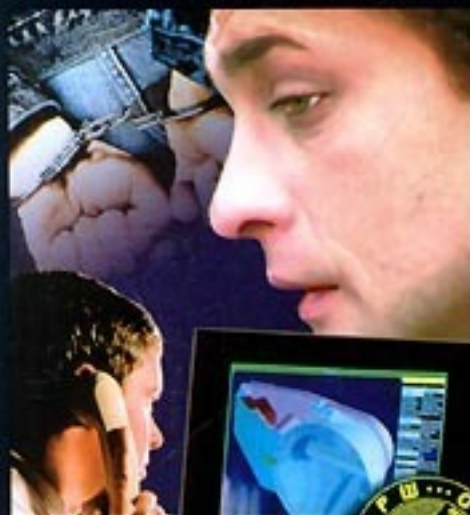

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Большая
зачистка*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Большая зачистка

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Большая зачистка / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Юноша решил поиграть с высокими технологиями — и доигрался... За информацию, которой он случайно завладел, началась война. Война, в которой хороши любые средства — от шантажа до убийства. И остановить эту войну должен Александр Турецкий...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Бог миловал	5
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фридрих Незнанский

Большая зачистка

Бог миловал (Пролог)

Александр Борисович запер дверь своей квартиры и подошел к лифту. Кнопка вызова светилась, а кабина, судя по болтающемуся черному шлангу, застряла на самом верху. Чертова манера! Вызвать лифт и держать его...

Настроение явно портилось.

Не желая поддаваться эмоциям, Турецкий подумал, что вообще-то в последнее время он маленько разленился: вот уже и спуститься на несколько этажей — проблема. А недавно предпочитал ведь даже и не пользоваться лифтом. Пойти, что ли, не ждать?

Пустые размышления прервал щелчок дверного замка в квартире напротив. На лестничной площадке появился сосед — высокий, под стать Александру Борисовичу, молодой человек с ранними залысынами на лбу и в модных круглых очках. Костюмчик на нем был что надо, поди от самого Версачче, никак не ниже. Подумаешь, у Турецкого тоже имеется галстук — от Кардена, на нем так и написано: «Пьер Карден», по-французски, ну и что? И еще у соседа, которого звали Глебом, а вот фамилию не мог вспомнить Александр Борисович, что-то связанное с лесом — не то Боровик, не то еще что-то близкое, был роскошный кейс благородного серебристого цвета, будто из платины. Живут же люди.

Этот сосед поселился в доме недавно — то ли поменялся, то ли купил такую же двухкомнатную, как у Турецкого. Была у него и семья. Ирина говорила, что видела жену и двоих детей — Нинкиного возраста. Но те бывали здесь редко: жили где-то в другом месте.

— Алексан Борисычу! — приветственно поднял руку с кейсом Глеб. — Наш нижайший поклон!

— Привет, — прогоняя хмурь с лица, кивнул Турецкий. — Кончилась, слава богу, жара? Теперь жди дождей...

— Похоже на то, — согласился сосед и взглянул на светящуюся кнопку лифта. — А может, пешком?

— Придется, — поморщился Турецкий. И пробурчал: — Вот же засранцы...

Глеб рассмеялся:

— Не стоит принимать все так близко к сердцу! Перемелется! А у вас, Алексан Борисыч, гляжу, что-то настроение неважное. Есть причины?

Он был почему-то настырно общительным, этот молодой и наверняка удачливый сосед. Ишь вырядился... Турецкий понимал, что не прав, но продолжал злиться.

— Причины, говорите? — бурчал он, спускаясь по лестнице. — А куда без них! Вон вчера опять парочку жмуриков наблюдал. Работа такая. Нэ-эrvная! — Он натужно улыбнулся и покачал головой. — Одного только по фотику в студенческом билете и опознали. А второго так разделали, что на нем живого места не осталось.

— И где ж это их так?

— А на Новой Басманной... Зачем, почему? Мальчишки по сути.

— На Новой Басманной?

Турецкому показалось, что сосед как-то непонятно насторожился.

— Ага... Мастерская там, что ли, по ремонту компьютеров, не знаю. А вам что, — Турецкий даже приостановился, увидев, как изменилось лицо соседа: он вроде побледнел, — известно что-нибудь?

— Ну откуда! — заторопился тот вниз. — Просто вы такие страсти рассказываете...

— Будут тут страсти... — вздохнул Турецкий.

Они вышли из подъезда, в котором плавал устойчивый запах гречневой каши и почему-то жареных пирожков с капустой, во двор.

Было еще рано, шел девятый час, и машины жильцов стояли впритык одна к другой вдоль всей проезжей части.

— Вы на колесах? — вежливо спросил сосед. — Или пользуетесь муниципальным?

«Ну правильно, — подумал почему-то Турецкий, — он и должен был спросить, если хочет продолжить разговор...» У самого же Александра Борисовича не было ни малейшего желания вызывать перед собственными глазами видения изуверски растерзанных тел, привязанных к стульям, с дырками от контрольных выстрелов в затылках. Которые, по всему видать, и прекратили долгие мучения жертв.

И ведь все оказалось делом случая. Не проживай в том же доме, где находились раскуроченная мастерская и трупы ее совладельцев, бывший кореш Константина Дмитриевича Меркулова, выехали бы на происшествие ребятки из Басманного ОВД, ну, может, Славка Грязнов подослал бы парочку своих оперков из МУРА, на том бы дело и кончилось. Списали бы на какую-нибудь очередную разборку, отыскиали бы, на худой конец, возможного заказчика, которому, не исключено, могло приглянуться помещение этой мастерской, вот и решил он этот вопрос по-своему, как нынче принято у крутых бизнесменов...

Однако было во всей этой еще неясной истории одно важное «но». На что обратил внимание Костя, отправляя на Новую Басманную Турецкого. Даже ради больших денег самая разнужданная братва вряд ли стала бы устраивать такое представление. Значит, они выбивали из жертв какую-то фактуру, а выбив, покончили с ними как со свидетелями.

Конечно, у Меркулова всегда был особый нюх на подобные «тухляки», от которых одна только морoka. А в конце вдруг выяснится, что два какие-нибудь олигарха, оказывается, сводили друг с другом счеты, и хрен кого из них притянешь к ответу. Потому что сразу пойдут тебе советы, предупреждения, указания с самого-самого верха, и попробуй послушаться.

Но, может быть, на что очень надеялся Турецкий, Костино решение было вызвано желанием любым способом отвязаться от старого и настырного кореша своего, который, говорят, еще недавно пользовался очень большим весом в госбезопасности. Все может быть...

Сосед Глеб между тем, задав вопрос о транспорте, ждал ответа, одновременно показывая рукой с кейсом в сторону новенького, сверкающего чистым серебром БМВ-750. Машинка — нет слов! — была очень хороша: мощная, устойчивая, вся словно сготовившаяся к рывку. Куда там «семерке» Турецкого!

— Если вы в прокуратуру, я с удовольствием вас подвезу, — услужливо предложил Глеб. — Мне по пути. Поговорим, а? А то ведь что получается? Живем в одном доме, даже на одной площадке, а вроде как не знакомы. Ну так что, сосед? — уже по-свойски подмигнул он.

— С удовольствием, — сказал Турецкий. — Но в другой раз.

Он подумал, что прокатиться с шиком неплохо, но ведь днем наверняка придется снова посетить разгромленную мастерскую или еще куда-то смотаться, а без собственных колес это может стать проблемой.

— Спасибо, — кивнул он, — я уж на своей лайбе как-нибудь.

— Ну, была бы честь... — натужно улыбнувшись, Глеб кивнул и пошел к своему БМВ.

Турецкий посмотрел ему вслед и, повернувшись, встретился взглядом со старым знакомым, своим тезкой, который долго работал водителем автобуса, а недавно нашел себе другую

работенку — дворника в собственном доме. Сашка, облаченный в синий халат, негромко чертыхаясь, выметал из-под колес припаркованных автомобилей окурки и прочий мусор.

Он был простым мужиком, этот Сашка. Вместе с ним Турецкий не раз, бывало, спускался в народ. То есть под настроение давил возле вечно открытой ракушки, где стоял разобранный Сашкин «Москвич», бутылку-другую красненького и беседовал за жизнь.

— Здоров, тезка! — приветствовал Турецкий.

— Привет, Борисыч, ну как она?

— Ай! — отмахнулся Турецкий.

— Вот и я говорю, — философски заметил Сашка. — На хрена она нам сдалась такая? — Он осуждающе покачал головой и побрел дальше, метя перед собой всякий сор и размышляя, разумеется, все о ней, о жизни.

Турецкий достал из брючного кармана брелок с ключами, заставил свою машину «вякнуть» и уселся за руль. Нет, это конечно не БМВ, что и говорить. Он поправил зеркальце заднего обзора и включил зажигание. Послушав спокойное урчание мотора, сдал чуть назад, вывернул руль до отказа и выехал из тесного ряда в узкий проезд.

Жуткий грохот настиг его в тот момент, когда он сворачивал за угол дома.

Первая мысль — взорвали, гады, дом! Нет, слава богу, он стоял.

Удар же был такой силы, что показалось, будто машина подскочила! Распахнув дверь, Турецкий вывалился наружу и, обернувшись, увидел столб пламени, окутанный черным дымом.

Короткого взгляда хватило, чтобы понять: рвануло там, где только что стоял замечательный серебряный БМВ.

Автоматически выхватив из-под сиденья автомобильный огнетушитель, Турецкий длинными скачками понесся к месту взрыва. Перепрыгнув через лежащего на дороге Сашку, он вдруг подумал, что со своей пшикалкой выглядит по меньшей мере глупо. И точно, пенная струя без следа исчезала в плотном пламени, обжигавшем лицо и руки.

Прикрываясь от огня и отшвырнув в сторону ненужный больше баллон, Турецкий подумал, что надо было поливать не этот вулкан, а машины, стоящие рядом. Две из них тоже горели, грозя взорваться.

Со всех сторон стал сбегаться народ, водители кидались к своим автомобилям, торопясь отогнать их в сторону, подальше от опасности. Гудело вздымающееся пламя, истошно крикали автомобильные сигналы, кричали и матерились люди, окружившие пожарище с немощными, как и у Турецкого, баллончиками.

И тут он вдруг вспомнил про лежащего на асфальте Сашку. Кинулся к нему. Тот лежал все в той же скрюченной позе. А возле него, у живота, расплывалось большое красное пятно.

Турецкий упал перед Сашкой на колени, попробовал оторвать его руки, прижатые к животу, увидел глаза, налитые невероятной болью. Ни слова не произнося, Сашка медленно шевелил губами, на которых пузырилась красная пена, а глаза его словно спрашивали: за что?! А еще через короткое мгновение взгляд остановился на Турецком и страдальчески застыл. Замер.

Осторожно положив пальцы на шею, возле сонной артерии, Турецкий ничего не ощутил. Взор Сашки был неподвижен. И снова возник проклятый вопрос: за что?!

Какое-то время Турецкий не мог понять, что за железку прижимает к себе уже мертвый Сашка. Но, разглядев, сообразил: это был рваный кусок автомобильной дверцы. Это ж надо, чтоб так не повезло!.. Под самый взрыв угодил...

Турецкий поднялся с колен, взглянул на пожарище. Каким-то образом машины успели растащить в стороны, погасить те, что горели. А от взорванного БМВ, исковерканные, черные останки которого высились уродливой грудой, во все стороны валил удушливый черный дым.

— Бог миловал... — произнес Александр Борисович, вспомнив, что исключительно благодаря случайности не оказался в чреве этого кошмара. А ведь мог бы, мелькнуло такое желание...

Из-за дома, с набережной, прилетели визгливые крики милицейских сирен, рев «пожарки» и другие, словно ожившие, городские шумы. Странно, Турецкий вдруг сообразил, что на какое-то время для него почему-то исчезли все звуки. А теперь как бы вынырнули из небытия.

— Чья там машина? Убрать! — кричал, выбегая из-за угла дома милиционер, размахивая полосатым жезлом.

«Да это ж моя!» — вспомнил Александр Борисович.

Для того чтобы к месту взрыва смогли подъехать пожарные и оперативники со «скорой помощью», ему пришлось сдать «семерку» задом прямо на детскую площадку.

Оперативники быстро оцепили пожарище, пожарные же вмиг врубили свою мощную систему, и скоро вся площадь в радиусе метров десяти от эпицентра взрыва напоминала холмистое заснеженное поле. Только после этого приступила к работе примчавшаяся с Петровки, 38, дежурная оперативно-следственная бригада.

Санитары со «скорой» по команде оперативников уложили в темный целлофановый мешок Сашку, перевалили его на носилки и собирались уже убрать в труповозку. Турецкий подошел к ним. Себя он со стороны, конечно, не видел, но по глазам молоденькой врачихи понял, что вид имел, вероятно, страшноватый. И в самом деле, руки и грудь его были в копоти и кровавых пятнах. Врачиха даже решила оказать ему первую помощь. Но он отмахнулся, сказав, что не ранен. А кровь — чужая, Сашкина вот.

Оперативнику из дежурной бригады Турецкий продиктовал фамилию погибшего дворника, номер его квартиры. А вот был ли Сашка женат, этого не знал Турецкий.

Заговорили о хозяине, сгоревшем внутри взорванного БМВ. Что мог сказать Турецкий, единственный теперь, вероятно, свидетель происшествия? Что звали его Глебом. Живет напротив, значит, в семьдесят третьей квартире. А фамилия?

Надо же! Второй раз сегодня задумался. Что-то с лесом связанное. Нет, не Боровик, это теперь он помнил точно.

Выручил подвернувшийся другой сосед.

— Бирюк его фамилия. Глеб Васильевич Бирюк. Он на телевидении работает... работал. Какой-то большой начальник.

Турецкий подумал, что подобные машины бывают либо у больших начальников, либо у бандитов. Но на последних Глеб не был похож.

И снова возник вопрос: почему так насторожился Глеб, узнав о вчерашнем происшествии на Новой Басманной? Неужели он имеет к этому какое-то отношение? А если да, то что? А то, получается, что если имел, значит, дело станет еще более запутанным. И взрыв этот, получается, тоже совсем не случаен. И, выходит, в самом деле Бог миловал...

Среди оперов из ОВД «Хамовники», также прибывших на место происшествия, оказался один знакомый Турецкому. Александр Борисович коротко обрисовал ему ситуацию, и тот сразу повел его к дежурному следователю. Еще бы, единственный свидетель!

Со следователем по особо важным делам из Московской прокуратуры Турецкий не был знаком, фамилию вроде слышал, в то время как фамилия Александра Борисовича, естественно, у большинства его коллег была, что называется, на слуху. Дежурный следователь почему-то решил, что раз уж Турецкий тоже «важненький», но из Генеральной прокуратуры, то он и должен знать абсолютно все. Александр же Борисович, все больше злясь на идиотскую ситуацию, в которой он не по своей воле оказался, отвечал на вопросы все более кратко и однозначно: «Не знаю», «Не знаком», «Случайная встреча», «Не видел», «Не могу заявить со

всей уверенностью» и так далее. Нет, не вышло у них контакта. Ничего толком, оказывается, не видел, да и не знал господин Турецкий. И за что ему такая честь, черт возьми!

«Дурачок ты, — с сожалением думал Турецкий. — Да если бы я мог тебе рассказать, о чем я думаю да как понимаю это дело, тебя бы первого, не исключая, понесли на Хованское. Чтob не совал нос, куда не следует...» Понимал, что не прав, Александр Борисович, но уже ничего не мог с собой поделывать. Надоело зря терять время. Надо было возвращаться домой, успокаивать Ирину, мыться, переодеваться и ехать на службу, чтобы садиться и думать, что делать дальше.

«Нет, его определенно испугало известие об убийстве в мастерской... — продолжал он размышлять, поднимаясь на лифте домой. — И он также очень хотел бы знать подробности. Но кто же он такой, этот Глеб Бирюк? Почему судьба-злодейка вот так свела их на миг, чтобы развести навсегда?...»

Выйдя через полчаса из своего подъезда и вынув из почтового ящика «Комсомольца», «Известия» и «Новую Россию» — привычный набор, который выписывал ежегодно, Александр Борисович заметил, что возня вокруг места взрыва вроде бы поутихла.

Заметив того же знакомого опера, Турецкий подозвал его взмахом руки:

— Ну что, заканчиваете, гляжу?

— Да... Криминалисты остатки бомбы собирают. Сильная штучка. Похоже, граммов на пятьсот. В тротиловом эквиваленте, — профессионально добавил оперативник. — Грешат на радиоуправляемую.

— А что, тут сигнал можно было откуда угодно подать. От самого-то хоть что-нибудь осталось?

— Фрагменты. Уже увезли. Газетки почитываешь, Сан Борисыч? — усмехнулся вдруг оперативник. Наверняка хотел слегка уколоть: вот, мол, мы тут дерьмо разгребаем, а вы прессой интересуетесь. Ах ты, засранец!..

— Почитываю, только тут все больше вашего брата ругают. — Турецкий развернул верхнюю, им оказался «Комсомолец». — Вот, сам гляди... — Но глаза его прикипели к фотографии, опубликованной в подвале газеты среди криминальной хроники. — Смотри, мать их, и тут уже успели!

Опер заинтересовался, поглядел на фотографию, бегло прочитал короткую заметку и странными глазами посмотрел на Турецкого.

— А ты знаешь, Сан Борисыч, я ведь этого студента, кажется, видел.

— Где? — вмиг насторожился Турецкий.

— Погоди, дай вспомнить... — Опер стал разглядывать верхние этажи дома, потом перевел взгляд на соседний дом. — Если не ошибаюсь, летом это было еще. В жару. Июль, что ли? Тут, в нашем районе, на Погодинской, да ты небось слышал, кража была... Грабеж, похищение — один хрен. Словом, взяли побольше чем на миллион. В баксах, сечешь? Там, помню, одной техники до едрени фени. Ну вот, так этот парень — это можно уточнить, дело-то все равно сплошной «глухарь», — и был там то ли дежурным, то ли еще кем. Но мы его, точно помню, допрашивали. Ну и других тоже. Циничный парниша, рожа нагловатая такая. Из ранних.

— Чего, говоришь, тогда украли? — Турецкий хмыкнул по поводу оценки, данной парню оперативником.

— Да технику всякую. Компьютер какой-то, не помню уже, столько времени прошло!

— Слышь, Петрович, это ты мне, брат, очень интересную информацию подкинул. Как бы не случилось так, что мы ваш «висяк» на себя перевесим. Давай, друже, я тебе позвоню. У тебя не изменился?

— Те же цифры, но последняя — двойка. Звони, а чего? Нам, сам видишь, и без того черной работы хватает. Бывай.

Садясь в машину, чтобы уехать наконец на работу, Александр Борисович снова вспомнил беспомощный и страдающий взгляд Сашки, бывшего водителя автобуса, которого угораздило на минуту оказаться там, где он был никому абсолютно не нужен. И это мгновение оказалось для него роковым.

А вот ему, Турецкому, снова повезло, опять просквозило мимо виска, значит, точно — Бог миловал. А еще говорят — судьбы нет! Как же!

Потом он мысленно вернулся к короткому рассказу Александра Петровича, оперативника из «Хамовников». А ведь тут теперь есть что копать...

Ну а кто ж он все-таки такой, этот Глеб Васильевич Бирюк? Человек с «лесной» фамилией.

Турецкий набрал на мобильнике номер своего помощника Сережи Карамышева, которого совершенно неожиданно, в качестве приятного сюрприза, приказал выделить Александру Борисовичу для помощи в расследовании одного тяжкого дела, которое вел Турецкий, лично заместитель генерального прокурора Константин Дмитриевич Меркулов. Это он наверняка, чтоб тут же еще парочку совсем уже пропащих дел навесить на шею, не иначе.

Сергей был на месте.

— Значит, так, слушай мою команду, — сказал Турецкий. — Пиши: Бирюк Глеб Васильевич. Большой начальник на ТВ. Где конкретно, не знаю. Поищи среди наших олигархов. Это все, что мне известно. Остальное я должен узнать, когда приеду. Хочу иметь самое полное досье. Ясна диспозиция?

— Так точно, господин старший следователь! — шутейно ответил помощник, юрист третьего класса Карамышев.

Турецкий хмыкнул: ничего, скоро ты у меня, дружок, шутить вовсе разучишься...

Об убийстве своего исполнительного директора президент компании Ти-ви-си узнал лишь в самом конце рабочего дня от следователя, который, приняв дело о взрыве к производству, сумел не только отыскать Анатолия Ивановича Плешакова, но и, что гораздо важнее, пробиться к нему. Трудность состояла еще и в том, что офис телемагната, как без всякого юмора называли своего хозяина сотрудники, находился не в сумасшедшем Останкино, а на относительно тихой Шаболовке.

Известие в буквальном смысле потрясло президента. С Глебом его связывали давние и почти родственные отношения. Да что там почти, если тот был женат на племяннице Анатолия Ивановича. И в своих далеко идущих планах президент весьма заметное место отводил Глебу.

Взорвали в машине?! Прямо возле дома?! В голове не укладывалось.

Потрясение было настолько сильным, что Плешаков, забыв о том, кто он и кто — этот следователь из городской прокуратуры, именуемый себя громким титулом «важняк», стал почти униженно просить не беспокоить его больше сегодня, а перенести все дела и необходимые разговоры, беседы, допросы, будь они прокляты, на завтра, да прямо хоть с утра, когда угодно, только не сейчас...

Затем он долго еще сидел в кабинете один — молча и отрешенно, восстанавливая в памяти всю последовательность событий последних дней и пытаясь понять, где, на каком этапе была совершена тактическая ошибка, приведшая к трагическим последствиям.

Его больше не беспокоили звонками. Если бы ему было нужно, он сам сказал бы об этом.

Наконец он спокойным тоном сообщил секретарше, что уезжает и связь с ним можно держать только по мобильнику. Куда уезжает, на сколько и прочее — ей знать было не обязательно.

Следующий телефонный звонок последовал к водителю. Плешаков велел тому самым тщательным образом проверить «мерседес» и джип охраны и больше не оставлять машины без внимания ни единой минуты.

Шофер, бывший «афганец», перешедший на работу к Плешакову из ФСБ «по состоянию здоровья», был профессионально немногословен. Спросил только, когда нужно быть готовым.

— По готовности и выедем, — ответил Плешаков.

— Вас понял, можете спускаться.

Плешаков открыл сейф, из внутреннего отделения достал и сунул в кейс несколько пачек стодолларовых купюр. Вдохнув, поглядел на круглый стол с двумя креслами в углу просторного кабинета, где они сидели вчера вечером вдвоем с Глебом... И что же, этот следователь пожелает узнать, о чем у них шел разговор? Он что, ненормальный? Кто ж его захочет охранять после этого?

Одну ошибку совершил Глеб. И Плешаков сразу указал ему на нее. Глеб возражал, он вообще не был человеком жестким и... скажем так, излишне кровожадным. Нет, он понимал, что случаются ситуации, когда без определенных жертв просто не обойтись, но... старался избегать крайних конфликтов. И это ему удавалось. Видимо, до поры до времени... Ах, какой удар! И как не вовремя... Будто смерть может скосить вовремя...

«Мерседес» и джип охраны стояли во внутреннем дворе у черного хода, которым постоянно пользовался один Плешаков, не желая ни с кем встречаться.

Включив зажигание, шофер обернулся к хозяину за указаниями.

— В Кокушкино, Дима, — мрачно бросил президент.

— Все ясно, Анатолий Иванович.

— Что тебе ясно? — неожиданно рассердился Плешаков.

— К Глебу, надо полагать. Точней, к его вдове.

«И эти уже все знают!» — едва не взорвался президент. Откуда вытекают все эти слухи проклятые?! Один звонок всего-то и был, и тот никто не прослушивал, а уже и в гараже известно!

— Ну и какая тебе сорока на хвосте принесла? — стараясь казаться спокойным, но подрагивающим от ярости голосом спросил Плешаков.

— «Грусть» поторопилась, Анатолий Иванович.

Так сотрудники Плешакова называли телеканал главного конкурента Виталия Западинского «ТВ-Русь».

— Вы ж небось не глядели пятичасовую? В информации у них проскочило, что сегодня утром трагически оборвалась жизнь исполнительного директора Ти-ви-си господина Бирюка. Ведется расследование. А еще — вечная ему память от коллег по цеху... Суки они, Анатолий Иванович, — убежденно заявил шофер.

Плешаков не знал об информации, но впервые пожалел о собственном жестком приказе: ни при каких обстоятельствах не беспокоить без разрешения. Весь день уже, выходит, все всё знали, а он — не знал. И планировал...

А планировать следовало уже совсем не то.

Даже по элементарной реакции водителя было ясно, кому нужна гибель исполнительного директора. Значит, Западинский не сумел или не захотел смириться с проигрышем и начал войну. Но он и не предполагает даже, что это будет за война для него. Вот и Глеб не хотел крови... Но с этими бандитами иначе нельзя!

В Кокушкине, в двухэтажном краснокирпичном коттедже, который Глеб приобрел недавно, царили растерянность и страх. Здесь успели посмотреть пятичасовую информационную программу, в которой была продемонстрирована видеосъемка с места трагедии: чадящие обломки железа, жалкие останки того, кто еще утром был Глебом Бирюком — молодым и удачливым директором одного из ведущих телевизионных каналов. Тут же попавший в поле зрения телекамеры какой-то эксперт заявил, что извлеченные из-под сгоревшего автомобиля

фрагменты тела водителя будут, разумеется, идентифицированы, но в связи с показаниями свидетелей сомнений в том, что погибшим является господин Бирюк, по сути, нет.

В доме стояла по-настоящему мертвая тишина. Даже Джек не лаял, чуя беду. Печально лежал, уложив умную голову на лапы, на коврик сбоку от камина.

Лида с красными глазами сомнамбулой передвигалась по комнатам. Дети не выходили из своих детских. А слоноподобная нянька Глаша не шаркала своими растоптанными тапками по сверкающим полам.

Плешаков присел в столовой, раскрыл кейс и достал пачки валюты. Протянул Лиде.

— Это вам, ребята, плата за наш прошлый проект. Я так и не успел рассчитаться с Глебом, а он и не торопил... Похороны и все с ними связанное наша фирма возьмет на себя. Так что эти, — он покачал пачки в руке, — ты можешь положить в банк. Но, упаси тебя боже, не в наш! Понимаешь меня? Можно в немецкий, они надежные.

Лида молча кивнула и, взяв деньги, тут же отложила их на край стола, будто не зная, что с ними делать дальше.

— Дядя, за что?! — Она вдруг заплакала, запричитала так, словно в ней открылась невидимая заслонка. Крепилась весь день, и вот — прорвалось.

Он знал ответ. Но его рассказ был бы племяннице попросту непонятным, бессмысленно долгим и все равно не принес бы никакого облегчения.

Поэтому Плешаков с огорченным видом пожал плечами и нервно вытер лысеющую голову носовым платком.

Кто здесь виноват? Да все, если по справедливости... В первую голову — сам Глеб, проявивший никому не нужный, опасный гуманизм. Или обычную человеческую жалость. В совокупности с естественной брезгливостью к замаранным кровью рукам.

Вот и сам Плешаков не настоял на своем, хотя превосходно знал, чем заканчивается всякая жалость, особенно к живым свидетелям. Спихнулся было, а уже поздно: пошла размазываться вереница событий, приведшая в конце концов к этому взрыву.

Другой вопрос: можно ли было что-то изменить, приостановить, направить по другому пути? Трудно сказать... Когда машина запущена, вмешательство взрывоопасно: шестеренки полетят. А что считать шестеренками?..

И началось-то все, если подумать, со случая... Хотя ничего случайного в делах, которыми заняты очень серьезные и решительные люди и куда брошены гигантские силы и средства, как правило, быть не может...

Вот и осень на дворе. А начало этой истории приходится на лето, когда в жаркой Москве плавился асфальт. Не говоря уже о мозгах...

Часть первая

Глава первая Кража

Никто бы и предположить не смог, что эта дерзкая кража вызовет самые непредсказуемые последствия. Включая большую кровь.

Итак, в Москве стояла несусветная жара, от которой плавился, как было замечено, не только асфальт на улицах, но и мозги немногочисленных в летнюю отпускную пору сотрудников лаборатории молекулярного конструирования лекарств Института биомедицинской химии. Надо сказать, что этот НИИ не относил себя к числу наиболее удачливых научно-исследовательских институтов Российской академии медицинских наук, которые могли бы рассчитывать на постоянную финансовую поддержку со стороны родного государства или мощное спонсирование заинтересованных олигархов — великих патриотов своего Отечества. Дела здесь шли ни шатко ни валко, с грехом пополам выполнялись отдельные государственные программы, разрабатывались новые лекарственные препараты. К сожалению, большинство отечественных аптечных бизнесменов, за малым исключением, предпочитало не делать ставку на российских исследователей и производителей, а закупать уже готовые лекарственные формы за рубежом, вздрючивая цены на собственном рынке и получая баснословные барыши. За что, естественно, все «Прокторы» и «Гемблы» были им несказанно признательны.

Однако, к чести указанного института, а точнее, одной из его лабораторий, где, собственно, и произошла кража, кое-что все-таки делалось. И довольно серьезное, если судить по такому факту: под один из проектов, касающихся разработки сыворотки против СПИДа, международное сообщество выделило специальный грант.

В июне руководитель лаборатории компьютерного дизайна, как ее еще называли в институте, профессор, доктор и членкор Дегтярев грел свои стареющие кости под турецким солнцем на Анатолийском побережье, будто такой же нещадной жары ему было мало дома. Ответственные сотрудники лаборатории также не стремились отягощать себя посещением «присутствия». Экстремальная температура переносилась много легче в дачных условиях, где-нибудь у текущей воды, на худой конец — в Серебряном Бору, для тех, у кого дач не было.

К законным для отдыха субботам и воскресеньям нередко добавлялись и пятницы: ведь все равно день короткий, а то потом как хлынет народ на вокзалы и пригородные трассы! Так лучше уж пораньше, чтоб не париться в тесноте электрички или перегреваться в автомобильных пробках.

Лишенные же полноценного отдыха сотрудники лаборатории тоже изыскивали массу причин не появляться в стенах родного института, что на Погодинской улице, вблизи Лужников. Вспоминались подзабытые «библиотечные» дни, находились и сугубо семейные поводы, но, так или иначе, по пятницам жизнь в лаборатории заметно замирала. Если до обеда еще как-то гужевался народ, то после «на хозяйстве» оставалось не более пары лаборантов, которым просто некуда было бежать. Они «седлали» драгоценный компьютер «Силикон графикс» с его пятью терминалами и устраивали поистине звездные войны. Потом, в конца дня, помещения пустели, сейфы и кабинеты печатались. До понедельника.

Почему-то никому из сотрудников не приходило в голову, что их лабораторию могут элементарно обокрасть. Для чего? Да хотя бы для того, чтобы потом продать дорогуший компьютер. Но, во-первых, он же тяжеленный! Это что же, грузчиков специальных нанимать? А во-вто-

рых, он ведь не твое личное имущество, за ним должна институтская охрана следить: им деньги платят, вот пусть и стерегут. Об информации, заложенной в компьютер, никто всерьез не задумывался. Так, вероятно, на денежной фабрике Гознак мастер, печатающий купюры, не видит в них реальной цены. Для него они, как сковорода для жестянщика, — обычный результат приложенного труда, обыкновенная материальная ценность. Ну, может, просто охраны побольше.

В одну из жарких злополучных пятниц, к обеду, в лаборатории остались двое сотрудников: студент-выпускник Института медико-биологических проблем из Химок Игорь Махов и Римма Шатковская. Она числилась младшим научным сотрудником, несмотря на то что возраст ее опасно приближался к четвертому десятку. Игорь нравился Римме. Он появился в этом институте недавно, проходил преддипломную практику. Высокий, сильный, естественно, циничный, как все медики-старшекурсники, для которых давно уже нет никаких тайн во всем, что касается человека как биологической особи. И даже любовь, как в том старом анекдоте, всего лишь возбуждение слизистой оболочки. Возможно, здесь есть и свой плюс: нет нужды в разных заморочках, из-за которых физически нормальные люди иной раз просто бездарно теряют время.

Спортивная, резкая в движениях и темпераментная Римма не видела смысла во всякого рода заморочках. Игорь же, по его словам, относился к «связям» философски — как к естественной потребности организма. Если же еще иметь в виду наличие в кабинете завлаба вполне устойчивого, хотя и в некотором смысле антикварного дивана, то можно было сказать, что трудовая неделя получала достойное завершение.

Что естественно, в том нет греха, зато масса удовольствия. Вполне оценив способности практиканта, Римма пришла к выводу, что ее рабочая неделя удачно закончилась, о чем и сообщила партнеру утомленным, но сытым голосом. Игорь ничуть не возражал. Расслабившись на диване, на котором, по слухам, сживал сам Дмитрий Иванович Менделеев, он теперь был готов в лепешку расшибиться, чтобы до самого конца дня выполнять роль сторожа при дорогой технике. Ну то есть до того момента, когда эта роль перейдет к официальной охране институтского здания.

О чем думала, уходя, Римма, Игорь размышлял меньше всего. Уж он-то свое дело сделал. И не без удовольствия. Но теперь начиналась главная работа, подготовку к которой Игорь вел уже две недели, со времени отъезда шефа в отпуск.

Ну, к примеру. Помимо главного входа в лабораторию имелся еще так называемый черный, которым, кажется, никто не пользовался со дня сотворения института. Так вот, в планы Игоря входило неоднократное напоминание штатным сотрудникам лаборатории, что у них однажды через этот самый черный ход вынесут самое ценное. И все тут же пытались обозначать это самое «ценное», но дальше шуток, естественно, дело не шло. Смеялись, хихикали и тут же забывали.

Затем Игорь брал на себя самое неприятное — пятничные дежурства, неудобные буквально для всех. При нем охрана и опечатывала лабораторию. К его безотказности привыкли, ему верили, как себе, а девушки просто души не чаяли. Но он со всеми был ровен, вот разве что Римме повезло. Но именно на этом он тоже строил свой расчет.

И так далее...

Проводив Римму, Игорь открыл дверь черного хода и впустил в лабораторию приятеля, а правильнее сказать, своего подельника — Семена Корнева, или просто Сеню.

Корнев проехал в «рафике» с красным крестом на территорию института еще утром. Их много заезжало сюда, подобных служебных машин, и охрана уже привыкла к ним. Смотрели путевки, махали — проезжай, мол. Туда-сюда весь день. А Семен имел при себе еще и требование профессора Дегтярева, подписанное уходившим в отпуск завлабом добрых две недели назад. Так что для неожиданных посторонних лиц являлся Семен Корнев опытным специалистом по наладке и контролю за компьютерной техникой.

Надо сказать, она была очень тяжелой — эта техника. Но приятели спустили ее по черной лестнице и аккуратно установили в медицинском «рафике», придав интерьеру салона вид специальной лаборатории на колесах. Да и кто бы стал особо разбираться, если жара воистину плавил мозг, а на часах кончалась пятница! И вообще, чего там еще бдеть, когда институту даже на зарплату сотрудников денег не хватает. Вспоминалась к месту старинная, хрущевских времен, шутка: «Они делают вид, что платят нам зарплату, а мы — что работаем».

Так лаборатория компьютерного дизайна лишилась мощнейшего своего компьютера с сервером и терминалами, с огромной памятью и уникальными программами, а также с дисками, хранящими информацию о важнейших научных разработках в области лекарственного дизайна.

Сложнее оказалось придать лаборатории внутренний вид трудового помещения, не тронутого рукой вора. Но справились и с этой задачей. После чего «рафик» благополучно покинул территорию института.

«Скорая» исчезла в лабиринтах Хамовнических переулков, а Игорь дождался конца рабочего дня и помог охране закрыть и опечатать двери с чувством честно исполненного долга. Вечером он появился на Новой Басманной улице, где в районе Разгуляя они с Сеней имели небольшой собственный офис-мастерскую по ремонту компьютерной техники: оба и в самом деле считали себя специалистами в электронике.

Прибывшие в понедельник сотрудники не сразу и оценили размер пропажи. В помещении стояло несколько компьютеров, и на исчезновение самого крупного из них поначалу не обратили внимания. Но затем стала надвигаться гроза.

Кому-то понадобилась какая-то информация, и вот тут все открылось. Сперва на преступников не грешили, может, технику в ремонт отправили? Помнится, и шеф что-то просил сделать до его возвращения. Женский в массе своей коллектив, не объединенный железной волей шефа, пошел вразнос. А слухи о пропаже тем временем докатились до дирекции. И тогда в лаборатории сверкнула молния — столько высокоумных лбов появилось в ней одновременно, и их блеск немедленно затмил собой естественное земное светило. Следом раздались раскаты грома...

Кто был в лаборатории в пятницу? Когда покинули помещение? Кто его проверял и опечатывал?

Игорь мужественно держал оборону: не мог же он «заложить» свою нечаянную любовницу! Впрочем, и ей не пришлось бы в голову вдруг вспомнить, что она посмела покинуть рабочее помещение раньше положенного времени. Игорь же искренне поддерживал в этой забывчивости младшую научную сотрудницу. Сам-то он оставался всего лишь безответственным практикантом.

Не желала и Римма думать о причастности Игоря к пропаже. Ей очень понравилось их первое приключение на антикварном диване, и она, трезво рассудив о собственных перспективах, вовсе не собиралась исключать возможность пикантного продолжения. А по многозначительным взглядам Игоря, которые она расценила однозначно, поняла, что и он не против. Так одна тайна погребла под собой другую.

Правда, один из бдительных стражей, вспомнив ситуацию трехдневной давности, попробовал было усомниться, что в прошедшую пятницу при опечатывании присутствовала еще и младшая научная сотрудница. Вот парня он помнил точно, а ее? Но дружное возмущение Риммы и Игоря заставило того отказаться от своих подозрений.

Странная получалась картина: печати нигде не сорваны, а хищение налицо. Да какое! Сервер и дискеты, хранящие поистине государственные тайны! Новейшие разработки в области лечения рака и СПИДа! Ученые головы вмиг произвели самый грубый подсчет, и народ

ахнул. Сумма потерь перевалила за полмиллиона — в долларах! Это не считая стоимости пропавшей техники... Кошмар!..

Наконец кто-то сообразил ткнуться в забытые двери черного хода и... о, ужас! Они оказались незапертыми! И хотя нижняя дверь — во двор — была закрыта на висячий замок, что этот нехитрый запор для специалиста! И ведь вспомнили сотрудники, как не раз предупреждали прежде, что нет порядка в институте, что все двери нараспашку, что контроль за посетителями слабый... Предупреждали! А что толку? Вот и докатились...

И это последнее известие совсем уже запутало дело: кто виновен, с кого спрашивать, кого наказывать?..

Вскоре прибыли милицейские чины из ОВД «Хамовники», приехали сыщики с Петровки и завертелась карусель. Допросы свидетелей производились порознь, но Римма и Игорь, уже к тому времени сто раз повторившие свои «чистосердечные» показания, касавшиеся их деятельности на рабочих местах, стояли намертво. Ничего нового не добавил и охранник, отказавшийся по каким-то своим причинам от собственных сомнений. На том все практически и завершилось, ну разве что заместитель директора по хозяйственной части получил суровый устный втык за вопиющую халатность, ибо это по его вине на местный орган внутренних дел повешен теперь абсолютный «тухляк».

Стоимость пропажи впечатляла, и дирекция института была просто вынуждена принять хоть какое-то ответственное решение. Те сотрудники, которые не смогли представить сносных объяснений по поводу своего отсутствия на службе в пятницу, схлопотали по выговору. С лишением квартальной премии, естественно. Но это лишение никакого значения практически не имело, поскольку наказание рублем произвести было невозможно из-за отсутствия средств на очередную зарплату штатных работников. А вот Игорь Махов был временно отстранен от прохождения дальнейшей практики. До окончательного выяснения всех обстоятельств происшествия. Временное тут же стало постоянным, поскольку срок практики и без того подходил к концу, и у Игоря наступала пора работы над собственным дипломом.

С видимой горечью от несправедливого решения руководства покидал Игорь любившийся ему коллектив. Единственным утешением стало настойчивое приглашение Риммы сегодня же составить ей компанию. Одна подружка уезжает в отпуск и совершенно случайно оставляет у Риммы ключи от своей однокомнатной квартиры. Это был очень удачный вариант: Игорь и сам предполагал продолжить пока встречи с младшей научной сотрудницей, ибо ничем не оправданный разрыв отношений определенно вызвал бы у Риммы подозрения, к сожалению, не лишённые оснований. А нехорошие мысли никоим образом не должны были посещать ее гладко причесанную и не лишённую шарма головку.

Они и встречались еще какое-то время — пока подружка находилась в отпуске. А после ее возвращения, когда потребовались дополнительные усилия — кого-то просить об одолжении, куда-то ехать, они оба почувствовали некоторую тягость от абсолютно однообразных встреч накоротке. Желание не питалось постоянной новизной, а скудное меню напоминало комплексный обед в столовой. Они поняли, что стали просто надоедать друг другу, и прекратили упражнения.

Компьютер же и похищенная вместе с ним информация, являвшаяся и в самом деле дорогостоящей государственной тайной, находились в укромном месте в ожидании того момента, когда уляжется память о краже, а на технику и заложенную в нее информацию найдется надежный и богатый покупатель...

Глава вторая

Конкуренты

Виталий Борисович Западинский был почти ровесником Анатолия Плешакова, два года в их возрасте разницы не делают. Они познакомились давно, еще в молодости, на комсомольской работе. Длинноволосый красавец Виталий Западинский был одно время кумиром эмгэушных девушек — этакий идеал молодого комсомольского вожака — общительный, открытый, внимательный. К тому же и ростом Бог не обидел: играл за сборную университета по баскетболу. Плешаков отчасти завидовал удачливому коллеге, поскольку сам напоминал скорее боровичка, плотного, приземистого, крепко стоящего на земле.

После окончания МГУ Виталий полностью отдался молодежной политике, был приглашен на работу в ЦК ВЛКСМ, а в смутно-безалаберные годы горбачевской перестройки даже дорос до секретаря Центрального Комитета, правда, по селу, но это — неважно. Наше будущее — наша молодежь! И Виталий все свои силы вкладывал в создание этого вполне конкретного будущего. Как острили некоторые недалёковидные политики, в одной отдельно взятой жизни.

Но наибольшего своего успеха он добился позже, уже в девяносто шестом году, когда, став заметной фигурой в шоу-бизнесе, почти в провальных условиях предвыборной гонки сумел лично помочь президенту сохранить кресло аж до двухтысячного года. Победа оказалась столь шумной и убедительной, что под звук фанфар ему словно сам Бог предложил не теряться. К этому времени и относится создание крупнейшего телевизионного рекламно-информационного концерна «ТВ-Русь».

Но справедливости ради следует отметить, что этот концерн явился как бы уже вершиной того айсберга, который постоянно и старательно наращивал Западинский, используя все свои связи и возможности. И того, и другого у него хватало с избытком, хотя сам он предпочитал на эту тему помалкивать. Разве что в кругу наиболее доверенных лиц позволял себе порассуждать иной раз о будущем да вспомнить прошлое, пофилософствовать, так сказать...

Вообще говоря, род его видимой деятельности предполагал максимальную открытость, общительность и постоянное участие в разных тусовках, определяющих современную «светскую жизнь». Потому и круг его знакомых был достаточно велик. Но были среди них и такие, с кем Западинский старался не афишировать доверительных отношений. К их числу относилась и семья одного из телеведущих игровой информационно-познавательной программы «Хочу все знать» Олега Николаевича Скляра. Об особой близости хозяина телевизионного канала к этой семье знали всего два-три человека, умевшие хранить тайны.

Отметивший свой полувековой юбилей телеведущий с броской внешностью и покладистым характером очень пришелся ко двору. Западинский относился к нему максимально благожелательно, хотя, по мнению опытных телевизионщиков, никакими особыми талантами или еще не раскрытыми творческими возможностями этот стареющий бонвиван не блистал. Компанейский человек, симпатяга, весьма находчивый в некоторых двусмысленных ситуациях, Олег Николаевич был для Западинского ценен совсем иными качествами, не зависящими от его мягких дипломатических свойств.

Дочь его старшая, Леночка, обладала весьма недюжинными способностями предсказывать в конце каждого информационного часа погоду на завтра. И делала она это нехитрое дело с таким профессиональным блеском и неподражаемым шармом, что Западинский небезосновательно опасался: ох, перекупят девку и уведут! На другие каналы. А терять не менее покладистую, чем ее папаша, зато обладающую поразительным умением действительно делать погоду и создавать нужное настроение девочку так и не пресытившийся к своим сорока годам Виталий Борисович совсем не желал. Но в конце концов — и это тоже частность, пусть и необходимая. Главное же заключалось в другом.

Младший сын Олега — Вадим, студент знаменитого МФТИ, или Физтеха, как его именуют в просторечии, — был поистине гениальным юношей, который большую часть своей двадцатидвухлетней жизни потратил на дружбу с компьютером. И, надо сказать, достиг в этих отношениях если не полного равенства, то чего-то совсем близкого к этому. Вот именно Вадим, имевший в жизни лишь одно, но абсолютное увлечение, и был неразменной золотой монетой Виталия Борисовича Западинского.

Узнав о страсти юного хакера, близко познакомившись с семьей Скляров, Виталий быстро понял, какие, казалось бы, невероятные перспективы открывает перед ним молодой гений.

Естественно, что очень скоро Вадим получил в подарок от фирмы, в которой трудились отец и сестра, великолепнейший компьютер последнего поколения. И так же естественно, что отныне Виталий неустанно подогревал в юноше авантюристическую жажду разгадки самых сокровенных тайн, заложенных в мировую сеть Интернет.

Время относительно безобидных взломов скоро прошло, и Вадим незаметно для себя полностью включился в чрезвычайно опасные и далеко не этичные игры взрослых.

В компьютерном мире существует свой взгляд на вещи и своя этика. Подобно тому как на протяжении всей истории человечества практически параллельно шло совершенствование, образно говоря, меча и щита, то есть средств нападения и защиты, так и в компьютерном мире защита информации и способы взлома этой защиты постоянно совершенствуются. Двигаются рядышком. И кормятся друг от друга.

Очень характерно, что американцы, к примеру, зная, что от хакеров все равно не избавиться, предлагают им специальные сайты. Иными словами, сознательно испытывают на самых дотошливых хакерах собственную бронебойную защиту. Да, щит и меч продолжают свое развитие. И поэтому нет-нет да и появляется в прессе сообщение о том, что опять нашелся взломщик, вскрывший защиту какого-нибудь Сити-банка. И похитивший оттуда разом несколько миллионов долларов. А вот если бы он не пожадничал, если бы брал суммы помельче и переводил на подставные счета где-нибудь на Каймановых островах, его бы так и не отследили. Ну конечно, вечная история про то, как жадность ф्राера сгубила...

Вадим, в чем убедился Западинский, не обладал жадностью своих коллег. Его скорее интересовал сам процесс проникновения за чужие запоры. А что там находилось, за семью замками, его интересовало в гораздо меньшей степени. И это обстоятельство очень устраивало Виталия Борисовича. За это «что-то» он и готов был платить бешеные деньги и папе-Скляру — неплохому, кстати, ведущему телеигры, и постоянно поддерживать максимально привлекательный имидж Леночки Скляр, не обращая внимания на ревнивые взгляды ее бой-френда, телеоператора Артема Никулина, и делать необходимые щедрые подарки самому Вадиму. Хотя последнего вполне устраивали всякие новейшие технические прикрасы, о которых он узнавал из бесед в Интернете с такими же, как он, молодыми гениями. Порой они стоили дорого, но еще дороже оценивал Виталий ту информацию, которую Вадим старательно выдаивал из закрытых для посторонних кладовых.

А помогал Западинскому разыскивать эти самые кладовые его, можно сказать, старший товарищ и коллега в бизнесе Александр Дмитриевич Игнатов.

Он был начальником Управления радиоэлектронной разведки ФАПСИ — агентства правительственной связи и информации. Имел звание генерал-лейтенанта госбезопасности. Но познакомились они с Виталием еще в середине восьмидесятых. Служил тогда Александр Дмитриевич в ныне печально знаменитом 5-м управлении КГБ.

Западинский однажды пошутил, чем вызвал, правда, недовольство Игнатова. Сказал, что отчетливо представляет себе собственные перспективы, а также будущее своих собеседников. При том разговоре присутствовал еще один партнер в бизнесе, Борька Абушахмин по кличке Абу — для своих и Формоза — для братвы из матвеевской оргпреступной группировки. Так

вот, рисовалось оно Западинскому отнюдь не в радужных тонах. Если бы, разумеется, не случилось перестройки и всего остального, сопутствующего ей. Был бы он сам, скорее всего, обычным стукачом у Игнатова, ну, может, не совсем обычным, а заслуженным. Абу, без вопросов, мотал бы срок за сроком, а сам генерал служил бы себе, зарабатывая пенсию на тихую старость.

Ах, как они взвились! Не понравилось! Истина — она не всякому нужна, особенно когда ты уже другой жизни понюхал...

Они сидели тогда в отдельном кабинете только что открытого ими ресторана «Арбатские встречи» и, как говорится, немного выпивали и закусывали. Ресторан был их собственный. Деньги дал Абу-Формоза, охрану и необходимую для дела прослушивающую технику поставила «контора» генерала, а Виталий осуществлял общее руководство. Кроме того, он поставлял Игнатову те сведения, которые по требованию генерала добывал умница Вадим. А уж то, что можно было считать не государственной, а коммерческой тайной, поступало в распоряжение Абу. И каждый имел свою определенную долю от общего навару. Во всяком случае, для них это было честно.

Плешаков знал о тайном кабинете в ресторане «Арбатские встречи», в котором нередко решали свои дела и проблемы Виталька с его подельниками. И не раз сам обсуждал этот вопрос с прямым начальством Игнатова, директором ФАПСИ Сергеем Сергеевичем Матюшкиным.

Вот так, на всякую хитрую задницу хороший винт имеется. Матюшкин терпеть не мог своего подчиненного начальника управления, но... Не все во власти, даже директора. Хотя кое-какие меры он мог так предпринять. К примеру, когда Плешаков представил ему факты о том, что генерала госбезопасности и вора в законе Формозу определенно связывают какие-то коммерческие дела, Сергей Сергеевич дал команду доверенным своим спецам аккуратно поставить этот кабак на прослушку. Ну да ведь и Игнатов — даром, что ли, возглавлял радиоэлектронную разведку! При очередной проверке обнаружил «жучков», но откуда они и кто их обслуживал, не допер: не мог же он грешить на своего шефа! Он знал об отношении к нему генерал-полковника Матюшкина, но ведь не до такой же степени! И в свою очередь с подачи Западинского двинул войска против Плешакова.

Так она и шла, эта война — с переменным информационным успехом: кто окажется проворней. Пока верх держал Плешаков, очень помогали новейшие разработки, которые предложил ему Матюшкин. Это были опытные образцы, созданные в Израиле и переданные директору ФАПСИ под строжайшим секретом. Игнатов о них еще не знал.

И первая информация — расшифровка кодированного телефонного разговора Игнатова с Западинским — была воистину ошеломляющей: на Западинского работал какой-то совершенно гениальный хакер, взламывающий любую защиту и скачивающий информацию прямо с президентского «Крея». А их, подобных мощнейших компьютеров, на всю Россию, может, две-три штуки и наберется-то! Дело оставалось за малым — вычислить гения. Для начала. Ну а потом — заставить пахать на себя. Если он согласится. А на нет — и суда нет...

Для этой цели, с помощью все того же Матюшкина, Плешаков подобрал себе группу отчаянных хакеров и велел им пошарить в своем мире: кто это там оказался таким шустрим? Уж они-то должны знать друг дружку, поди, постоянно общаются. Но этот вариант пока ничего не дал, видно, гений был еще и очень осторожен. Оставалось ждать, когда кто-то из прослушиваемых сам нечаянно раскроется и назовет если не фамилию, то, на худой конец, кличку — «ник нейм». А ребята после пошарят в хакерских сайтах в Интернете, где они обычно общаются, и, может быть, откроют анонима.

Но так просто ожидать у моря погоды Плешаков тоже не имел привычки. И за каждым из трех интересующих его лиц пустил агентов из собственного охранно-сысльного предприятия. Он хотел быть в курсе всех передвижений Западинского и компании, а также их возможных

пересечений и встреч, которые все они очень не любили афишировать. Ну еще бы! Хорошая компания: вор, магнат и контрразведчик!..

И вот в один из по-осеннему уже тягостных, дождливых дней Анатолий Иванович получил информацию, что «нечестивая троица» собирается в ближайшие часы встретиться в ресторане «Русский дом». Это довольно далеко от Москвы, в районе Сергиева Посада. Чего их туда заносит? Или собираются грязные свои дела после замаливать в лавре? От них, вообще говоря, всего можно ожидать.

Плешаков не знал этого ресторана. Но посчитал, что подобный шанс упускать ни в коем случае не стоит. И немедленно отправил в Сергиев Поезд бригаду толковых специалистов. Сам он собирался подъехать позднее, когда подготовка уже закончится и, следовательно, можно будет, сидя в своем «мерседесе», спокойно попивать виски со льдом и слушать, о чем болтают посетители ресторана. Дело оставалось за малым: приехать и незаметно установить необходимую аппаратуру.

Не знал Анатолий Иванович, что операция, на которую он дал отмашку с уверенной легкостью, столкнется с почти непреодолимыми трудностями. И первая из них состояла в том, что охрану «Русского дома» еще накануне взяла на себя матвеевская братва, для которой слово Формозы было законом. И раз это слово произнесено, значит, в ресторане не должно быть ни одного постороннего лица. Желаете спецобслуживание? Можно назвать и так. Впрочем, может подойти и закрытый съезд Святейшего синода, благо до лавры — рукой подать.

Опоздал Плешаков. Когда прибыли его люди, вопрос о допущении или недопущении посетителей уже не стоял. Зная взрывчатый характер своего хозяина, спецы приуныли. Ни электротехник, ни водопроводчик тут и близко не проходили. А до часа «икс» времени оставалось совсем немного.

Отчаявшиеся спецы стали названивать Плешакову, который уже держал курс на Сергиев Посад.

План, родившийся у Анатолия Ивановича, щедрого на подобного рода выдумки, был, конечно, вызывающе наглым, но, во-первых, и времени практически не оставалось на более изощренные действия, а во-вторых, он подумал, что с этой компанией, может, так оно и надо: чем наглее, тем продуктивнее...

Трубка мобильной связи, лежащая на столе генерал-полковника Матюшкина в закрытом чехле, вдруг запиликала нежно и призывно. Генерал поглядел на нее с сомнением, поскольку именно этим телефоном пользовался очень редко и исключительно для личной надобности, но достал и поднес к уху.

— Сергей Сергеич, — услышал негромкий, вкрадчивый голос Плешакова, — не сильно отрываю?

— Говори, Толя, что у тебя?

— Я сейчас недалеко от Загорска, ну, Сергиева Посада. Намечается одно мероприятие с участием известных вам фигурантов. Я понятно говорю?

— Да-да, слушаю. Так какие трудности?

— Они хорошо подготовились. Возникли сложности. А разрешить их нам вполне может какой-нибудь очень хороший человек, желательно из параллельного ведомства.

— Я понял тебя, дай маленько подумать... Слушай-ка, а что там у тебя за организация?

— Да какая организация, Сергей Сергеич! — мелко засмеялся Плешаков. — Обычный ресторан. «Русский дом» называется. А что, может быть, адрес?

— Я думаю, не мешай... Значит, так, Толя, слушай меня, — сказал генерал после короткой паузы. — Я тебе дам телефончик, позвонишь и спросишь, куда подъехать. Он поможет.

— Хорошо бы предварить мой звонок вашим, а?

— А ты как думал? — почти с насмешкой хмыкнул генерал. — Запоминай...

Плешаков позвонил по указанному телефону, как и условились, ровно через пять минут. Трубку там тотчас подняли.

— Полковник Киселев слушает.

— Здравствуйте, Иван Петрович, вас беспокоит Анатолий Иванович.

— Понял. Вы сейчас где?

— Прошли путепровод за Никольским, — выглянув в окно, сказал Плешаков. — Куда прикажете?

— В город не заезжайте, после моста берите вправо, по объездной. Встречу вас у поворота Подсосино. Вы на чем?

— «Мерседес» с охраной.

— Ну конечно, как я не сообразил. Ну а я — в «газоне». Жду.

Уже начинало по-осеннему темнеть, шел восьмой час. «Сходняк», как назвал его для себя Плешаков, намечался на девять вечера. Значит, уже, что называется, в обрез.

Автомобильное движение под вечер здесь уменьшилось, и обыкновенный зеленый «газик», стоящий на обочине, водитель увидел еще издалека.

— Вижу, справа, — сказал он.

— Я тоже. Подруливай.

К «мерседесу» направился средних лет мужчина в сером плаще и кепке — типичный такой представитель мелкой районной власти.

Левая задняя дверь предупредительно открылась. Плешаков высунул наружу руку и махнул. Мужчина ловко нырнул в салон и стянул с головы кепку.

— Киселев. Я вас внимательно слушаю, Анатолий Иванович.

Плешаков не стал вдаваться в подробности. Объясняя свой интерес оперативной надобностью, он рассказал о неожиданно возникших трудностях. И уж конечно не стал он говорить и о том, что среди интересующих его фигурантов есть начальник Управления ФАПСИ генерал Игнатов. Эта информация будет совсем лишней местному чекисту.

— Самое простое решение, — сказал Киселев, — это мне самому заглянуть к Грише и выпить с ним по рюмке. Но... есть и минус. Местная публика меня хорошо знает. А вам это надо?

— Верно, не надо, — улыбнулся Плешаков. — Какие еще варианты?

— У вас есть собственные предложения?

— Да вот... если вам не покажется... Поговорить бы с кем-нибудь из особо доверенных официантов. Можно даже немного прижать, легкий такой пресс. Чтоб он сам захотел помочь и при этом молчал, как рыба об лед. Тут могут быть любые варианты, скажем, от настойчивой просьбы собственной супруги до хорошего бакшиша, причем сразу, без подходящего, понимаете?

— А что? В этом есть... Сейчас вспомним, кто у нас имеется из таких... А разговор на себя возьмете? Или мне посоучаствовать?

— Как сочтете сами. В любом случае можете быть уверены, что свою штуку вы уже имеете.

— Ну, не будем терять времени. Я пошел, езжайте за мной до Чаркова, там заберем одну дамочку, и вы пересядете ко мне в машину. Этот ваш утюг светить не стоит. Стоянка там открытая со всех сторон, смысла нет. А те ваши ребятки, они могут ехать. У нас тут джипов как собак нерезаных.

И он покинул «мерседес».

Следующий этап начался после того, как Плешаков перебрался в «газон» полковника, где находилась двадцатипятилетняя дамочка очень эффектной внешности.

— Наташа, — скромно потупив сильно накрашенные глаза, протянула она ладошку-лодочку Анатолию Ивановичу.

— Очень приятно, — ответил тот, но представляться не стал.

— Мы сейчас к домику поедem, — говорил ей между тем полковник Киселев, — а ты нам аккуратненько выведешь и доставишь прямо в салон Ваську Рыбина. Ясна задача?

— А если он это... занят?

— Это уж твоя забота. Впрочем, если они оставят там тебя, мы с коллегой, — Киселев кивнул на Плешакова, причисляя его сонму сотрудников спецслужб, — возражать особо не станем. Но — сперва дело. — Быстро и ловко ведя тряскую свою машину, за которой едва поспевал джип охраны, по узким и кривым улочкам поселков, окружавших Сергиев Посад, он с провинциальной хвастливостью бросал реплики Плешакову: — А Натка — славная девочка... и помощница отличная. Одну только слабость мы имеем, да, Натка? А? Чего молчишь? Ладно, не красней, это дело житейское...

Охрана, сидевшая в джипе, тоже знала уже свою задачу. Надо подъехать понахальнее к самому входу, удивиться, что сегодня нет обслуживания, побазарить с охраной, но на крупный скандал по-возможности не нарываться. Словом, постараться как можно дольше отвлекать охрану от ее прямого дела.

На трассе, у поворота к ресторану, Плешаков увидел машину со своими специалистами. Один из них остался в салоне «рафика», где была смонтирована приемная и записывающая аппаратура, а второй быстренько пересел в киселевский «газик». Джип обогнал их и ушел вперед — отвлекать внимание и начинать занудный базар с братвой.

Окружной дорожкой Киселев подогнал свою машину к задам ресторана, где к хозяйственным пристройкам почти вплотную подступали лесопосадки. Сюда и должна была Наташа вытащить своего приятеля Василия Рыбина, старшего официанта «Русского дома», парня разбитного, нагловатого и в меру трусливого.

Наташа вышла из «газона», огляделась, поправила кудри перед зеркальцем бокового обзора и, подмигнув Киселеву, независимой походочкой направилась к дверям служебного входа. Ей парадный ни к чему, ее тут достаточно хорошо знают. В иные дни отлично помогает обслуге лихо раскручивать подгулявших фраеров, и все это хорошо было известно Киселеву. Такие вот они получались — человеческие слабости, которыми не без успеха для своего дела пользовался полковник.

Минут через десять на крыльцо вышел покурить светловолосый стройный парень в русской рубашке навыпуск и наброшенном на плечи пиджаке.

Он огляделся, заметил «газон» под елочками и не спеша направился к нему.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — несколько развязным тоном начал он, увидев за опущенным боковым стеклом Киселева. — Чего не заходите?

— Садись, — полковник мотнул головой назад, — поговорить надо.

Но парень обошел машину и сел на пустое переднее сиденье, рядом с водителем.

— А вы не один? С компанией? Боюсь, сегодня у вас ничего не получится, сняли на всю ночь.

— Кто, не в курсе? — спросил полковник.

— Крутые — одно слово. Нас всех проверили, ну... чтоб ничего лишнего в карманах, ферштеете?

— Ферштею, — с улыбочкой кивнул полковник. — Они что же, или опасаются чего?

— Наверно, — пожал плечами Рыбин. — Охраны нагнали, еще с утра мужики из столицы приезжали, облазили тут все, проверили, обнюхали. Крутые ребята, одно слово.

— Ну и что, больше вас-то обыскивать не будут?

— А хрен их знает! Поэтому сторонним сегодня, сами понимаете... Разве если Гриша их попросит, но со мной — пустое дело. Так что пойду я, да?

— А мы и сами, Вася, не собираемся туда. И Грише лучше не знать про то, что мы с тобой беседуем. А уж крутым твоим — тем более.

— Не понял. Тогда чего звали?

— А вот мы с коллегами, — Киселев кивнул на заднее сиденье, где молча пока сидели Плешаков со спецом, — решили, что ты являешься как раз тем человеком, который нам поможет. Предупреждаю заранее, киксанешь, можешь пулю схлопотать — от них. Сделаешь, что скажем, сразу штуку баксов наличными.

— Не-е, Петрович, мне эта самодеятельность на хрен не нужна. Ищите другого дурака.

— А мы уже нашли, Вася, — ласково сказал Киселев. — Только не пойму, почему это ты считаешь себя дураком?

— Не-не, Петрович, давай считать, что никакого базара не было!

— А вот тут ты сильно ошибаешься, Вася, — тем же тоном перебил Рыбина полковник. — Разговор, и очень нехороший для тебя, еще очень даже может быть. Мы ведь взяли Гришиного гонца, и тот на допросе показал на тебя. Ну, это, сам понимаешь, для нас не новость, а вот если об том узнает Гриша?.. Надо дальше объяснять, или ты сам сообразишь?

Рыбин заметно сник. Нервно достал из кармана пачку «Мальборо», закурил.

— Ладно, чего хотите? Чтоб я провел кого? Но это же тухлое дело! Там на каждом углу — по мордовороту. Да и я задержался, сейчас снова шмонать начнут. Они каждого без конца проверяют.

— Мы туда не пойдем, Вася. Вот сейчас товарищи тебе объяснят, что надо будет сделать. — Полковник обернулся к Плешакову: — Прощу.

— Скажи-ка, Василий, — начал Плешаков, — где у них конкретно будут происходить посиделки? В общем зале или у вас есть отдельные кабинеты? И кто будет обслуживать?

— Кабинетов у нас нет. Есть антресоли, там тоже столы. Но велено приготовить зал как обычно. А где захотят сидеть, не знаю. На работе сегодня наша смена. Вот мы и будем.

— Так, хорошо. А чем они вас всех проверяют? Металлодетектором? Ну, хреновинкой такой, как в аэропортах, да?

— Ага. А утром с чемоданчиком ходили, все стены и светильники проверили. Экран у них там, в чемоданчике.

— Понятно. Ну, еще раз вряд ли станут, муторное это дело. Охрана ведь никого постороннего после тех в помещения не пропускала?

— Точно! Даже грузчиков. Нам самим пришлось ящики перетаскивать с продуктами. А после нас всех снова обшмонали. И по ящикам тоже прошлись.

— Ну вот, видишь? Значит, так, Павел, объясните молодому человеку, что надо делать. Этот человек, Василий, — показал на своего молчаливого соседа Плешаков, — очень большой специалист, поэтому послушайте его внимательно. Коли сделаете все так, как он скажет, вам ничего не будет грозить.

— Вот на эти микросы, Василий, — спец протянул на ладони несколько иголочек-булавок с крохотными головками, — металлодетектор абсолютно не реагирует. Один из них оставите в непосредственной близости от гостей. Можно в занавеску воткнуть — с обратной стороны. Или, если на столе будут стоять цветы, воткнуть в стебелек, вовнутрь розы скажем. И повторяю, не бойтесь, это керамика. При себе обязательно оставьте один любой. Свистеть умеете?

— Умею... А зачем?

— Когда вернетесь в ресторан и распределите микросы, ну, вот эти булабочки, где посчитаете нужным, но так, чтобы они оказались в непосредственной близости от гостей, с последней булабочкой зайдите куда-нибудь, да хоть в сортир, и просвистите парочку тактов «чижика», знаете? «Чижик-пыжик, где ты был?» И все. Это будет наш контроль. Зачем? Если у них вдруг появится потребность снова включить свой, как вы говорите, «чемоданчик», вы просто дадите сигнал: «Чижик...» Ясно?

— Да это ясно... А как же я их пронесу? — озабоченно спросил Рыбин, держа на своей ладони пяток булабочек-микросов.

— Бросьте в карман, да и все. А одну воткните куда-нибудь сразу. Только не за лацкан пиджака и не под воротник — эти места, как правило, проверяются на ощупь.

— Петрович, а может, я лучше Натку пришлю? — с тоской в голосе спросил Рыбин. Уж очень ему не хотелось участвовать в этой очень опасной, теперь-то ему стало ясно, игре.

— Ты ж мужик, Вася! — возмутился Киселев. — Как тебе не стыдно! Но... с другой стороны... А что, я ведь тебя уже прямо сейчас могу выручить, забрать с собой. Показания гонца у меня есть. Вызову сюда взвод СОБРа, устроим в вашем кабаке большой шмон, естественно, найдем «геру»...

— Да нету у нас, Петрович! Мамой клянусь! — испугался Рыбин.

— Дурачок! Мы-то ведь все равно найдем! И потопаєте вы все, кроме гостей, во главе со своим Гришей в общую камеру, а там вас давно уже гонец дожидается. Понял, что тебя лично ждет? Такие вот дела, парень. А так мы даем тебе возможность исправиться, делу помочь. А Наташку можешь использовать только по прямому назначению, и не больше, иначе башку оторву!

— Да понял я уже, понял, Петрович. Ладно, согласен, пойду. — Рыбин стал выбираться из машины, бормоча: — Вот же, бя, влип...

— Не подведет? — спросил Плешаков, когда официант скрылся за дверью служебного входа.

— Не думаю. Я ж объяснил... в общих чертах...

— А кто такой Гриша? Директор ресторана?

— Гриша-то — вообще Гегам. Это мы его так, по-русски. Гегам Айвазов. Он — хозяин заведения. А директором здесь — его младший брат, Артур. Наркотой балуются. Но это пока не страшно, мы кое-кого отслеживаем, берем, когда надо. Приходится и использовать кое-кого, вот как нынче, никуда не денешься, оперативная необходимость... Ну так что делаем дальше? Ждем?

— Если вы уверены в своем кадре, тогда можем ехать слушать. Но, возможно, мы вас отрываем от более серьезных дел? Если так, то, как говорится, большое спасибо, в долгу не останемся. Павел, — обернулся он к спутнику. — Хочешь покурить? Можешь выйти на минутку.

И когда спец послушно покинул «газон», Плешаков вынул из внутреннего кармана пачку баксов и протянул полковнику.

— Здесь — две. Кадр ваш, вам, вероятно, и решать, на сколько он нынче наработает. И еще раз большая благодарность, я скажу директору самые хорошие слова...

Полковник Киселев подвез их к спецмашине. Туда же вскоре подкатил плешаковский «мерседес», а следом появился и джип. Они стояли примерно в полукилометре от ресторана, в темном придорожном «кармане», где обычно отстаиваются фуры дальнобойщиков.

Плешаков заглянул в «рафик», спросил:

— Ну как, пашет?

— Порядок, Анатолий Иванович, — отозвался второй спец, сидящий с наушниками на голове. — Сделал выборку, запись чистая. «Чижик» на месте. Будете слушать сразу или по записи?

— Послушаю. — Он захлопнул дверцу, подошел к «газону» Киселева и протянул полковнику руку. — Все нормально, Иван Петрович, запись пошла. Всего вам доброго.

Киселев тут же уехал.

Глава третья

Тайный совет

— Ну что? Я пригласил вас, господа... — начал Виталий и засмеялся. — Абу, не вздрагивай, все путем!

— Почему это я должен вздрагивать? — хриловатым баском отозвался Борис Абушахмин — тридцатипятилетний здоровяк с выбритым до блеска черепом и манерами «качка».

— Не бери в голову, — иронически хмыкнул третий сидевший за столом — пожилой человек с жестким седым ежиком и сухими чертами лица. — Виталик имеет в виду классику. Так говорят, когда хотят устроить большой шмон. Читал Гоголя?

— Сан Дмитрич, ничего он не читал и не нужно ему! — перебил Игнатова Западинский. — Абу у нас девственно чист, и слава богу. А я, в отличие от Гоголя, хочу сказать вам нечто приятное. Затем и попросил собраться тут. Все свои, стесняться некого.

— Да уж, мои здесь дважды все проверили и перепроверили. А кабачок — ничего, — добавил одобрительно Игнатов. — Чей?

— Почти свой, — продолжал улыбаться Западинский. — Мои люди. Ну так вот, вы знаете, что я — человек суеверный и раньше времени стараюсь информацию не обнародовать, но сегодня особый случай. Мы подбили некоторые итоги, и я имею честь сообщить вам, господа, что они — утешительные.

Генерал удовлетворенно хмыкнул, а Абушахмин лишь кивнул, будто ничего нового для себя не услышал, и потянулся за бутылкой «Абсолюта» — эту водку он предпочитал остальным.

— Я не кончил, — остановил его Западинский. — Итак, наши некоторые, как я сказал, итоги — утешительны. Но не более. По операции, которую мы назвали «Обмен», общая прибыль составила чуть больше тридцати двух миллионов долларов. «Обмен-2» принес еще сорок. Мы рассчитывали, если помните, на несколько большую сумму. Но потери были связаны с тем, что информация от тебя, Сан Дмитрич, поступила с опозданием. Правда, мой мальчик сумел таки раскрутить свою шарманку. Но это я лишь для того, чтобы учесть на будущее: своевременная информация — основа основ...

— Это известно, — не очень вежливо перебил Виталия Абушахмин. — Прикинь, от своей доли я могу оставить в котле десять.

— Почему так мало? — глядя перед собой в собственную тарелку, сухо спросил Западинский. — Или ты решил, что твою братву я должен содержать на свои проценты? Не жирно, Абу?

— А почему мы с ним, — Абушахмин довольно неучтиво кивнул вбок, на генерала, — должны твою семью содержать? Прикинь, прикинь?

— А вот тут я б тебе не советовал, нет. Семья, Абу, это наш совместный капитал! И ты прекрасно знаешь, что, если б ее не было, ты бы сейчас не суммы прикидывал, а срок тянул. Причем неизвестно который по счету...

Помнил Абушахмин, что очень даже немалых денег стоила тогда, в девяносто шестом, Западинскому операция по «отмазке» вора в законе Формозы, на котором висело две «мокрухи». Но ведь можно вопрос поставить и иначе: кто кому был в ту пору больше нужен? Виталька — Абу? Потому что те убийства еще надо было доказывать и доказывать, а это дело долгое. Или — наоборот: Абушахмин с его братвой Западинскому? Кто-то ж должен был профессионально запечатывать пасти Виталькиным конкурентам? Да еще в период самой важной раскрутки... Помнил Абу, ничего не забывал, однако терпеть не мог, когда ему напоминали о чужих благодеяниях.

Неожиданно его сторону принял и генерал Игнатов.

— А в самом деле, Виталий Борисович, дружище, чего это ты вроде как на танки с одной гранатой попер? Почему встала проблема — кто кого должен содержать? Но если уж на то пошло, про мальчика я не говорю, однако все, что касается Ленки и ее папаши, к нам с Борисом не должно иметь никакого отношения. Это я твердо заявляю. И при этом твои постоянные экскурсии в прошлое мне тоже не нравятся. Про Бориса, — он ткнул указательным пальцем в Абу, — уж и не говорю. Смотри, Виталик, достанешь ты нас однажды...

— Ах вот, значит, как?! — едва не взвился Западинский. И он бы вскочил и, вероятно, не менее темпераментно, этак артистично, отшвырнул бы стул, расколотил бы тарелку, но... его словно остановил холодный и абсолютно трезвый, несмотря на уже достаточное количество выпитого, взгляд генерала. И Виталий, отчаянно махнув рукой, словно подвел черту под разгоревшейся было ссорой.

— Ленка — хрен с ней, — вяло отозвался Абушахмин. — Ну держит он ее... для здоровья, ха! У каждого свои заморочки. А этот козел?

— Между прочим, семья, — спокойно заметил Западинский, — принесла вам, уважаемые мои оппоненты, поболее сотни миллионов на круг. Но и это еще не все... Вот же, твою мать, чуть что — базар! А главного-то вы так и не узнали! Только я теперь думаю, надо ли вообще?..

— А куда ты без нас денешься! — широко ухмыльнулся Абушахмин.

— Ладно, мужики, — рассудительно заметил Игнатов, — давайте, в самом деле, кончать базар. Что у тебя еще, Виталий? Выкладывай.

— Мой мальчик, — после непродолжительной паузы продолжил Западинский, — как вам известно, Интернет почитает за дом родной. И этот его интерес я, со своей стороны, всячески и постоянно в нем подогреваю. Чтoб не остывал, не отвлекался, не поглядывал на сторону в поисках более совершенных компьютерных технологий.

— Можешь не растекаться, — остановил надвигающийся поток красноречия Игнатов, — твоя почти отцовская забота о чужих детях всем известна.

— Хе! — отреагировал Абу и помотал головой.

— Так вот, мальчик, — словно и не слыша их, продолжал Западинский спокойно, — выдал мне давеча такую информацию, что я... экстренно предложил вам собраться. Но пока вы тут высказывали свое особое, так сказать, мнение о нашем партнерстве, я подумал: а почему эту информацию я получил от мальчика, который отыскал ее в каких-то там сайтах, где общается хакерская шпана, причем случайно, однако сразу обратил на нее свое внимание, в то время как... Ну да, эту же самую информацию я мог бы получить от тебя, Сан Дмитрич. И не вчера, а еще летом! Ответ вам, господа хорошие, нужен?

— Хотелось бы, — с иронией бросил Игнатов.

— А потому, что вы оба, мужики, — это Виталий по Игнатову прошелся, — вовсе перестали мышей ловить. Обленились на богатых харчах. Мальчик вам «капусту», понимаешь, стрижет, а мы, вот вроде Абу, посторонние дельца себе придумываем?

— Не тот базар, Виталий! — вскинулся Абушахмин. — У нас был твердый уговор. Ты отвечаешь за свои слова?

— А ты полагаешь, что я вам туфту гоню?!

— Не темни! Выкладывай! И если считаешь, что я нарушил наш уговор, так и говори! А я отвечу...

— Кор-роче! — рявкнул генерал. — Вы чего детский сад устраиваете! Зачем мы здесь? Давайте по делу. И ваш базар мне не нужен, у меня тоже собственных забот хватает. В чем ты меня обвиняешь, Виталий Борисович? Меня, который тебя человеком сделал, а?

— Ну только не надо, не стоит, Сан Дмитрич, не бери на себя лишнего! А то не дотащишь. Что когда-то было, давно прошло. Вместе с нашими партбилетами... А вот нынче я хотел бы от своих партнеров полной отдачи! Стопроцентного вклада — во всех смыслах! Рано еще изображать из себя благополучных рантье, стригущих купоны. Не доросли, господа!

Зря, наверное, Западинский выбрал этот язвительный тон.

— Слышь, Игнатов, — всем телом повернулся к генералу Абушахмин, — а чего этот пуп со своей блядью совсем охренел, что ли? Ты его в малолетстве часто харил у себя на Лубянке? Че-то он будто с... сорвался?

— Да прекратите же вы наконец! — сорвался и генерал. — А то я сейчас pošлю вас обоих!..

Плешаков слушал и откровенно скучал. Перебранка в ресторане то вспыхивала, то становилась какой-то ленивой и вялой. А информации было практически ноль.

Ну какой-то малый чего-то нашел в Интернете... Ну наверняка даже очень важное... Ну никак доходы не поделят. А доходы, надо сказать, впечатляющие. Знать бы еще, что это за «Обмены»...

Партнеры все продолжали поминать друг другу прошлые обиды. Так бывает, когда худая судьба или вовсе уж злой умысел сводит людей, которые терпеть не могут друг друга, но понимают, к сожалению, что каждый из них сам по себе решительно ни на что рассчитывать не может, а вместе они — страшная сокрушающая сила...

Шла запись, едоки переругивались, молчали, сопели — это было очень чисто слышно: отменная техника. Но никак все не возобновлялась тема: «Я пригласил вас, господа...»

Что там за Ленка фигурировала, выяснить наверняка не особенно трудно, стоит лишь послушать сплетни, потолкаться среди бабья на «ТВ-Русь». Странно, что она, эта неизвестная пока Плешакову Ленка, вызывает столь бурное неприятие у партнеров Западинского. Папаша еще промелькнул. Мальчик... Нет, в этом деле надо обязательно разобраться... Но ради чего готовилась столь конфиденциальная встреча? Почему проверки и такая охрана? Ну, что все они — пауки, это понятно, но отчего они никак не могут перейти к делу?..

Запись действительно была скучной и малоинформативной.

Задумавшись, Анатолий Иванович как-то упустил, что собравшиеся в ресторане наконец нащупали точки соприкосновения и заговорили о деле. Точнее, о нем заговорил Западинский.

«Надо будет отмотать чуть-чуть назад и прослушать», — подумал Плешаков и весь превратился во внимание...

— ...адресами они, как правило, не обмениваются. У них приняты, как и у вас, Абу, своеобразные кликаны. Так вот, их условия были следующими. Те, кто заинтересуются предложением, должны оставить свои кликухи в Интернете. Ну а продавцы, стало быть, начнут сами выходить на них и так далее. То есть, как я понимаю, конфиденциальность в этих условиях соблюдается у них вполне приличная. Да, Сан Дмитрич? Это ведь больше по твоей части.

— Разберемся, — многозначительно пообещал генерал. — Но что это за информация?

— Сейчас объясню. Летом многие газеты писали, но никто, насколько я знаю, из нас не обратил внимание на сообщение об ограблении одного крупного медицинского НИИ. Сперли какую-то совершенно сумасшедшую компьютерную технику. Вместе со всей заложенной в нее информацией. Ты об этом слышал, Сан Дмитрич? Нет. И я — нет. И Абу — тоже. Но сведения об этом факте появились в свое время в Интернете. И мой мальчик запомнил. И когда прочитал сообщение о продаже этой системы, он мне назвал ее, только я в компьютерах, как Абу в архитектуре: если без решетки, значит, все по делу. Шучу! Вот он и сопоставил. И мне сказал, что было бы очень неплохо пощупать ту технику. В то время как я в первую голову подумал об информации. Приказал найти мне старую прессу и — ахнул! Если все, о чем довольно скудно сообщил корреспондент, правда, эта информация может стоить многие десятки миллионов баксов. Не здесь — на Западе. Я посчитал, что упускать подобный случай было бы величайшим грехом. И срочно попросил вас собраться. Чтобы обсудить, как нам добыть ту информацию. А заодно и технику для моего мальчика. В порядке большой награды. Компьютер тот действи-

тельно, как пишут, уникальный, их в России вообще несколько экземпляров. Я сказал свое слово. Давайте обсудим...

— Мне срочно нужны все данные на этот НИИ. Там, кстати, не было сказано, кто дело возбуждал? — спросил Игнатов.

— «Хамовники», по-моему. Все, что я на этот счет имею, включая информацию в сайте, ты, Сан Дмитрич, можешь получить у меня прямо завтра с утра. Но мой парень сказал, что в таких делах очень опасно спугнуть продавца. Поэтому я прошу действовать очень осторожно. Я бы вообще хотел лично ему и поручить раздобыть нужную нам информацию, касающуюся продавцов. Ведь ни адреса, ни фамилий, одни кликаны.

— Разберемся, — решительно заявил генерал. И трудно было понять: согласен он с Западинским или в корне возражает.

— А ты, Абу, — без всякого недавнего раздражения сказал Западинский, — бери уж на себя основную миссию: исполнение...

Плешаков послушал еще немного, потом сказал оператору, чтобы тот продолжал запись до самого конца, сам же, забрав записанную часть пленки, перешел в свой «мерседес» и приказал водителю пулей мчаться в Москву. Охрана неслась следом.

Из машины Анатолий Иванович позвонил Глебу Бирюку и сказал, что ждет его, несмотря на поздний час, в офисе на Шаболовке. Велел на всякий случай прихватить с собой парочку наиболее толковых хакеров из тех, что по заданию Плешакова до сих пор ищут гения, приютившегося у Западинского. Теперь, кстати, и о нем кое-что появилось новенькое. Может, эта информация что-то подскажет ребятам.

Весь путь занял у Анатолия Ивановича чуть больше часа, и за это время он сумел продумать все тактические ходы будущей операции.

Он еще раз внимательно прослушал текст «застольной беседы», обратив особое внимание на пропущенное им начало серьезной информации. Суть сводилась к сведениям, опубликованным в летних газетах, и предложению о продаже, надо понимать, похищенного в НИИ компьютера в сайте Интернета. И то и другое легко достижимо. И если какому-то умному мальчишке пришла в голову мысль сопоставить факты, а такому зубру, как Виталька Западинский, предпринять немедленные акции по обнаружению пропажи, значит, игра действительно стоила свеч. Виталий Борисович никогда на туфту не клевал, это всем известно. Оттого и сколотил крупный капитал к сорока годам...

А еще очень понравилось Плешакову неожиданное признание генерала по поводу Витальки: мол, я тебя человеком сделал. Это чрезвычайно любопытный факт. И если его раскрутить?..

Многим ведь известно, чем всю жизнь занимался генерал Игнатов. Ответственные сотрудники бывшего Пятого управления Комитета госбезопасности не любят афишировать собственное прошлое. А нынешнюю демократическую общественность — ее хлебом не корми, только пусти в огород, где власть старательно и успешно выращивала стукачей. Одно дело, когда успешно сотрудничают телебосс и представитель ФАПСИ, — кого это удивит сегодня? Но совсем другое, когда общественность узнает, что эти сотрудники — бывшие стукач и его шеф. Тут есть над чем подумать! А директор ФАПСИ Сергей Сергеевич Матюшкин, который сам не знает, как избавиться от собственного шибко ответственного работника, имеющего даже для него, Матюшкина, недоступную «крышу», с удовольствием поможет раскрутить в средствах массовой информации этот постулат: «Я тебя человеком сделал...»

Но это сейчас менее важное дело. Главной же была информация об ограблении какого-то важного медицинского НИИ, а также о том, что похитители наконец обнаружили и ищут себе покупателя. Вопрос лишь в том, кто первым придет к ним — Западинский или Плешаков.

Приз в этой гонке стоит серьезного напряжения всех сил: по мнению Витальки, он тянет на несколько десятков миллионов долларов.

Все это Анатолий Иванович выложил Глебу, когда они усадили своих хакеров за компьютеры, выдав им задание: где и что следует искать, и остались вдвоем.

Затем Плешаков по одному из своих засекреченных мобильных телефонов связался с Сергеем Сергеевичем, для чего пришлось поднять генерал-полковника из кровати. Но дело не терпело отлагательств.

Виталька делает свою основную ставку по добыче информации на генерала Игнатова? Прекрасно! Значит, именно его и надо в первую очередь вывести из игры — хотя бы на время. Придумать ему срочное дело, командировку, усадить его к чертовой матери! Можно ведь что-то сделать в этом плане? Главное — опередить. Потому что, получив нужную информацию, бандиты матвеевского уголовного авторитета Абушахмина-Формозы уже не упустят ни минуты. А тем временем и плешаковская команда успеет развернуть свои войска.

Матюшкин по достоинству оценил информацию Плешакова и, немного подумав, сказал, что утром проведет совещание начальников управлений, после чего Александр Дмитриевич Игнатов будет вынужден немедленно вылететь в Приморье, где задержится минимум на неделю. Там действительно есть проблемы по линии радиоэлектронной разведки.

Плешаков поручил руководство всей операцией Глебу Бирюку. Не потому, что тот был его родственником, нет. Хотя, возможно, это обстоятельство тоже имело значение, все-таки свой человек. Но для Плешакова главным было всегда дело, а уже все остальное, включая семейные узы, — потом, Глеб его во всяком случае устраивал: решительный, четкий, грамотный и, к счастью, не заикливающийся на некоторых принципах, свойственных людям старшего поколения. Для него тоже, как понял Анатолий Иванович, на первом месте стояло дело, а уже потом — все остальное, включая, кстати, вполне благополучно начавшуюся семейную жизнь. Лидка, дочь старшего брата Плешакова, трагически погибшего в явно подстроенной ему автокатастрофе, с Глебом была счастлива. Сквалыжный характер перерзевшей племянницы Анатолий Иванович хорошо знал и был даже в некоторой степени удивлен, как это Глебу удалось приструнить эту кобылицу.

А в общем-то, они, Анатолий и Глеб, были почти ровесниками, пяток лет разницы — не в счет. Потому и понимали друг друга с полуслова. И значит, Анатолий мог доверить Глебу самую рискованную из своих операций...

Они просидели в офисе почти до утра, обдумывая и обсуждая детали возможных ситуаций и собственных действий в них, пока хакеры не принесли им ту же информацию, которой обладал Западинский. В ней действительно просматривались условия игры, точнее, ее задача, решение для которой еще требовалось искать. Но Плешаков с Глебом уже имели свой план, за реализацию которого немедленно и взялся Глеб.

Глава четвертая

Искомое в кармане

В самом начале рабочего дня в отделе кадров Института биомедицинской химии, что на Погодинской улице, названной, кстати, вовсе не в честь советского драматурга, а историка и академика, издателя «Московского вестника» Михаила Погодина, появились двое сотрудников Федерального агентства правительственной связи и информации. Их интерес к тем сотрудникам института, которые в черный для института день, точнее, в жаркую пятницу июня, находились на работе в лаборатории, откуда было похищено драгоценное оборудование, опытному начальнику отдела кадров был как еще понятен! Оказалось, что среди похищенной информации была и та, которая имела самое непосредственное отношение к безопасности государства.

Кадровику, в недавнем прошлом действующему сотруднику бакатинского Министерства безопасности, объяснять интерес ФАПСИ к печальному факту не было необходимости: «служба» ради досужего интереса старые дела не ворошит.

Что касается мэнээс Шатковской, то она, вероятно, на своем рабочем месте. А вот студент Махов давно, еще летом, завершил здесь свою практику, и искать его следует по адресу... Кадровик шустро пролистал тоненькую папочку с личным делом бывшего практиканта и назвал адрес его института в городе Химки. Что же касается места проживания, то в институте и скажут. Здесь упомянуто общежитие в тех же Химках.

Так же любезно кадровик предоставил сотрудникам родственной по сути «конторы» пустующее помещение одной из лабораторий для конфиденциального разговора с младшей научной сотрудницей. Позвал ее, познакомил с симпатичными молодыми людьми из важного учреждения и скромно удалился.

Если чего Римме и хотелось бы в жизни меньше всего, так это упоминания о той злополучной пятнице. Она так часто повторяла их общую с Игорем версию, что не только выучила ее наизусть, но и сама искренне поверила в нее. Вот и теперь она стала нудно повторять слово в слово не раз пересказанное. Впрочем, беседующих с нею сотрудников ФАПСИ это ее «слово в слово» никак не смущало: они ж не читали ее предыдущих показаний, хотя всячески демонстрировали возбужденной девице свою осведомленность. Не совсем верно истолковали они и причину ее столь явного беспокойства, полагая, что оно вызвано видом представительных корочек. Дело же было совсем в другом.

Даже полный дурак, повторяя изо дня в день, как попка, одно и же, однажды будет просто вынужден обнаружить, что за бред он несет. Римма же никогда дурой не была, она себя мыслила как раз наоборот — девушкой вполне разумной, ну, эксцентричной там, со своим бзиком, но уж никак не идиоткой. И вот, в сотый, возможно, раз повторяя свою версию, она вдруг увидела, что все это обыкновенная туфта и только действительно дурак этого не видит.

К тому же где-то в подсознании у нее гнездилась определенная обида на Игоря, довольно легко отказавшегося от продолжения отношений, пусть и несерьезных. Вот если бы она его отшила, совсем другое дело. А так получалось, будто это она ему надоела. Дело, конечно, прошлое, но если взглянуть на него так, как оно было на самом деле, рисуется совсем иная картина. Да и она сама, по прошествии довольно длительного уже времени, чем особо рискует? Какими еще неприятностями?

Были и более серьезные основания для размышлений. Дело о похищении дорогостоящей аппаратуры обреталось и по сей день где-то в милицеских сферах. И в институте о нем, похоже, забыли. Поэтому возникновение нового интереса к прошлому факту, да еще со стороны очень серьезной конторы, ибо для Риммы ФСБ и ФАПСИ были примерно одним и тем же, показалось ей более опасным, нежели все предыдущие допросы. И она решилась. На полуправду, поскольку полная правда была бы вряд ли кому интересна.

Да, она не все сказала во время следствия. А почему? Потому что Игоря пожалела. А сама она ушла тогда с работы раньше, и никого отсутствие элементарной дисциплины в институте до того рокового случая вообще не колыхало. Как снова не колышет и сегодня.

Затем гости и Римма определились со временем ее ухода с работы, и оказалось, что у злоумышленников был вполне достаточный срок для организации преступления.

Они показались Римме вполне нормальными мужиками — эти гости из ФАПСИ. Будто понимая, что в этой истории имеется какая-то пикантная деталь, они не стали настаивать на абсолютном признании, ограничившись самим фактом, и в свою очередь предупредили Римму, что их разговор должен остаться строго конфиденциальным. В этом случае и они не станут ворошить ненужные детали.

Но прежде чем уйти, они подробнейшим образом расспросили ее обо всем, касавшемся Игоря Махова: кто, что, каков характер, есть ли общие знакомые, круг интересов и так далее.

Возвращаясь на свое рабочее место, младшая научная сотрудница отстраненно подумала, не совершила ли все-таки ошибки своим неожиданным признанием. Но так же мимоходом решила, что связывать воедино преступление с фривольными приключениями на знаменитом диване шефа вряд ли придет в голову нормальному современному человеку. И на том успокоилась...

...Имея на руках выписку из личного дела Игоря Махова, сделанную кадровиком, сотрудники ФАПСИ больше не намерены были представлять эту организацию. «Ксивы», в которых на вклеенных фото изображены люди в военной форме, очень впечатляют тех, кому суют под нос эти книжечки с крупными золотыми буквами на красном сафьяне. Но это имеет смысл делать в серьезных учреждениях. А вот в местах более демократичных, типа студенческого общежития, такие удостоверения часто производят обратный эффект — сильно настораживают.

Поэтому в Химках недавние собеседники Риммы Шатковской появились, что называется, вместе, но порознь. Один отправился на улицу Машенцева, в Институт медико-биологических проблем, а второй — в общежитие института на Нагорное шоссе.

И там, и там Махова хорошо знали — парень видный, заметный, готовит диплом, но в последнее время что-то редко его видели в институте. И в общежитии — тоже. Ну в институте еще понятно: выпускник к ответственному шагу готовится, может, он в Ленинке днюет. А вот ночует-то где? Он же не москвич, собственной жилплощади не имеет. Вероятно, снимает жилье. Теперь многие иногородние студенты, подрабатывающие на фирмах, могут себе позволить снять, к примеру, комнату у какого-нибудь пенсионера. И хозяину не одиноко, и лишние деньги совсем не мешают. Вот и Игорь наверняка нашел себе что-нибудь подходящее. Вопрос: где? Надо его знакомых ребят порасспросить. Только так, чтобы ни в коем случае не спугнуть птичку. А в том, что это была именно та птичка, сомнений после доверительной беседы с Риммой не оставалось.

Сосед по комнате в общежитии, где был прописан студент Махов, отнесся к Игорю без всякого уважения, мотивируя свое мнение «земляку», решившему навестить своего нижегородского приятеля Махова, тем, что характер у того жлобский и сволочный: за сотню-другую баксов пасть порвет и не чухнется. Словом, нехороший человек, редиска. Некоторые вещи свои: учебники, конспекты, зимнюю одежду — здесь держит, еще не забрал, хотя уже почти полгода проживает с каким-то напарником в Москве. Этот напарник тоже как-то приезжал. Электроникой он интересуется. И Игорь заявил однажды, что диплом ему нужен чисто для проформы, поскольку ни медициной, ни биологией он заниматься не собирается — гроши не те, а вот за электроникой, за компьютером — будущее. И сейчас он, вместо того чтобы вплотную заниматься дипломом, переключился на компьютеры. То ли ремонтирует, то ли продает — черт его знает.

После такого признания соседа стало уже совсем, что называется, «горячо».

Но где находится точка, на которой остановился теперь Игорь, сосед по общежитию не знал. Впрочем, он посоветовал «нижегородскому приятелю» Игоря поговорить с Нинкой Хабаровой, однокурсницей, у них с Маховым одно время намечалось нечто вроде романа, но закончилось как обычно: порезвились, попрыгали и разбежались. Может, она знает.

Подсказка оказалась верной. Эту развязную и много о себе понимающую девицу действительно связывали с Игорем одно время сексуально-меркантильные отношения, но не более. И с ней было просто договориться. Просто Игорь задолжал «земляку» некую сумму, от коей в том случае, если Нина поможет найти должника, ей будет отстегнут определенный процент. Дело есть дело. И ничего тут нет зазорного. Кстати, и долги надо возвращать, а у Игоря, по сведениям приятеля, появились сейчас хорошие деньги.

Нина решила дать телефон бывшего любовничка. А чтоб у нее не оставалось сомнений, что это обычная сделка, и ничто иное, ей за помощь, как и было договорено, приятель Игоря тут же выплатил две сотни баксов, с условием, что она немедленно забудет тот номер телефона. Словом, ей дали хорошо понять, что история с долгом Игоря довольно темная и лучше всего в нее свой нос не совать.

Приятель Игоря проявил максимум вежливости к ней, но глаза его были неприятно холодными. Поэтому и в самом деле — лучше воздержаться от ненужного любопытства.

Телефонный номер принадлежал мастерской по ремонту компьютерной техники, расположенной на Новой Басманной улице, рядом с Разгуляем.

Созвонившись с директором мастерской, который назвался Семеном Григорьевичем Корневым, о срочном ремонте недавно приобретенного, но отчего-то забарахлившего домашнего компьютера, нерадивый покупатель умолял срочно его посмотреть. А то сынишка расстроился.

— Что за машинка-то? — поинтересовался директор.

— «Пентиум-сто», — со значением ответил покупатель.

— Эва! Да это же — каменный век. Где приобрели?

— По знакомству, — скромно ответил покупатель. — Сказали — после капитального ремонта сто лет прослужит.

— Поди, баксов двести заплатили? — продолжал иронизировать директор. — Ясная картинка. Ну и что там у вас? Материнская плата плохая? Сбои? Или с изображением? Тогда видеокарта подвела. Звука нет, значит, звуковая карта. Так что? Или дискета не читается?

— Вы такие вопросы задаете, — почти изумился лопух-клиент. — Может, мы сейчас привезем к вам телевизор? А вы посмотрите?

— Валяйте, тащите, — снисходительно разрешил Семен Григорьевич, понимая, что хозяин действительно самый настоящий чайник. — Только не телевизор, а монитор. И системный блок тоже.

— А это что?

— Ящик пластмассовый, который рядом с монитором стоит, понятно?

— Так точно! — радостно провозгласил лопух и одновременно чайник. — Так мы прямо сейчас и везем?

— Давайте, — усмехнулся Семен и крикнул в соседнюю комнату Игорю, который возился с платами: — Сейчас тут дедушку притащат, ты погляди, что там не фурычит, и затей что-нибудь на сотню баксов, чтоб этим жлобам мало не показалось. За дурость платить надо...

Вопреки ожиданиям, чайников оказалось двое, и были они вовсе не старые, а вполне молодые, уверенные в себе люди. Семен уж подумал было, что его разыгрывают, но после парочки вопросов, на которые посетители не смогли внятно ответить, он убедился, что мужики просто в технике не секут — такое случается. Быстренько подключившись и побегав по клавиатуре, Семен навскидку назвал примерную сумму — надо поменять то и это, в общем, от сотни до полутора, устроит? Клиенты не возражали.

Вышел из другой комнаты Игорь и перенес монитор с системным блоком к себе. Увидев через открытую дверь, какая там находится техника, клиенты обомлели. Они, похоже, совершенно не петрили в этом вопросе, а свой случайный «Пентиум» посчитали верхом цивилизации. К месту пришла и коротенькая лекция Семена, почуявшего, что клиентам можно втолковать чего и подороже. А те слушали, какими сегодня возможностями обладает человек, владеющий компьютером, какая от всего этого гигантская польза делу, а уж об экономии времени и средств и говорить не приходится. Развесили уши клиенты, стали интересоваться более новыми и новейшими моделями, их стоимостью, техническими характеристиками. Хотя видел Семен, что информация никак не задевала их сознания — лопухи, одним словом. Но с определенными претензиями.

Через час с небольшим, наглядевшись на технические диковинки в компьютерной мастерской, клиенты щедро расплатились с Семеном Григорьевичем, поблагодарили мастера Игоря и укатили на «девяносто девятой» «Ладе» вместе со своим «Пентиумом». О перспективах обещали подумать. И созвониться. Может быть, даже в самое ближайшее время.

С этой минуты за мастерской на Новой Басманной было установлено постоянное наблюдение. Круглосуточное. И вскоре выяснилось, что мастера снимают малогабаритную двухкомнатную квартирку в панельном доме на Разгуляе, а в мастерской ночуют по очереди. Видно, боятся оставлять дорогую технику без присмотра.

А поздним вечером двое сотрудников ФАПСИ, проводившие по поручению Матюшкина эту операцию, докладывали Анатолию Ивановичу и Глебу Васильевичу о проделанной ими работе. Они представились как Антошкин и Виноградов, но наверняка это были не настоящие их фамилии. Да и докладывали они опять-таки по указанию своего начальства.

— «Силикон графикс» у них, можете не сомневаться, — сказал Антошкин. — Он находится в самом углу мастерской. Вероятно, тот самый, что вывезли из института. Кстати, ребятки они крепенькие, а сервер, по моими прикидкам, больше полусотни кил и не весит. Так что они могли справиться без особого труда.

— Беспечно живут, — добавил его коллега. — Полагаю, что информацию держат не в банке каком-нибудь, а там же, в мастерской. Либо в квартире на Разгуляе. Последнее проверить проще простого: дом старый, ни кодов, ни замков, а днем они оба пашут в своем офисе.

— Техники у них много, — продолжил Антошкин. — А вот в каком из блоков они держат интересующую нас информацию, проверять жизни не хватит. Вывезти все и провести системный поиск?

— Их надо заинтересовать в продаже информации, — заметил молчавший до того Глеб.

— Может быть, ты и изобразишь богатого американского дядюшку? — усмехнулся Анатолий Иванович.

— А что? В этом есть смысл. Хороший покупатель... Легенду-то мы сочиним! Скажем, сумели воспользоваться некоторой информацией ФСБ. А разработки института, точнее, их основные направления, известны во всем цивилизованном мире.

— Хорошо, Глеб, — почему-то заторопился Плешаков, — этот вопрос мы обсудим позже. А пока вы, мужики, свободны. Спасибо, дело сделали грамотно. За то — особая благодарность. И соответствующее поощрение. Я распоряжусь. Глеб, ты мне еще сегодня будешь нужен, не уходи. Позвони лучше Лиде и скажи, что задержишься.

А когда они остались в кабинете вдвоем, Анатолий Иванович набрал по своему секретному мобильнику номер генерал-полковника Матюшкина. И разговор был у них короткий.

— Искомое в кармане, — сказал Плешаков.

— Встречаемся, как обычно, — тут же отреагировал директор ФАПСИ.

— Ты посиди здесь, подожди меня, — сказал Плешаков Глебу. — Я скоро вернусь.

На конфиденциальные встречи с генералом Анатолий Иванович предпочитал свидетелей не брать. Даже если это был и Глеб Бирюк. Матюшкин тоже не любил, когда при серьезных

разговорах присутствовали лишние люди. А место встречи у них было удобное для обоих. От Шаболовки до улицы Косыгина, где жил Матюшкин, рукой подать.

Обычно в поздние часы возле бывшего Дворца пионеров, что на Ленинских горах, бывало тихо и пустынно. Генерал выходил на прогулку со своей овчаркой Рексом. Плешаков оставлял машину возле парка, где они и встречались. А затем, прогуливаясь неторопливо, давали возможность собаке сделать свои необходимые дела, решая при этом и более важные — свои.

Так было и на этот раз.

Как это ни показалось странным Плешакову, генерал выбрал вариант, предложенный Глебом. И мотивировал это не тем, что Глеб предлагал якобы бескровный вариант, нет, в любом случае те парни оказывались бы пострадавшей стороной: никто же не собирался в самом деле платить миллионы за украденную ими информацию. Тут вопрос мог стоять иначе: радуйтесь, что живы остались.

Анатолий Иванович возражал. Ему не хотелось оставлять свидетелей. В конце концов люди Западинского, так или иначе, вышли бы на них, и стало бы известно, куда ушла информация.

Матюшкин предложил ход хитрее. И Плешаков, подумав, согласился с ним.

Утром, придя в свой офис, располагавшийся в правом крыле одноэтажного старого дома, рядом с недавно открывшимся частным кафе, Семен Корнев увидел на противоположной стороне улицы крутой «шестисотый» «мерседес» с желтыми номерами, какими обзаводятся представители совместных предприятий. Почему-то Семену показалось, что за темными стеклами машины сидят типы, прибывшие по его душу.

И тут он увидел Игоря, выходящего из кафе.

— Что за тачка, не в курсе? — спросил Семен.

Игорь пожал плечами:

— С утра стоит... А я всю ночь в Интернете шарил. Странно, что никто на наше предложение не откликнулся.

— Это потому, что ты кликан взял несолидный, — улыбнулся Семен. — «Микс» — ну что это? Писк мышинный!..

— Не надо, — возразил Игорь, — когда-нибудь этот «писк» войдет в историю!

В офисе Махов уселся со своим паяльником, а Семен начал было постоянный и рутинный обзвон фирм, которым он предлагал свои технические услуги.

Звонок в дверь прозвучал резко и требовательно. Партнеры переглянулись: посетителей вроде не ожидали, может, кто случайный — вывеску увидел, решил поинтересоваться?

Семен открыл дверь и вернулся с высоким, относительно молодым человеком с глубокими залысинами на лбу и в модных круглых очках. Сопровождал посетителя явный с виду охранник с серебристым кейсом. Он же, видимо, исполнял роль переводчика в тех случаях, когда посетитель не мог найти нужного русского выражения.

— Господин Нордгейм, — сообщил охранник, — московский представитель фирмы «Медикал инко» и института Дэвиса, Сан-Диего, Калифорния, США. — Рукой в темной перчатке он протянул Семену глянцевую визитку с английским текстом, но не отдал, а сунул в собственный карман. — Господин Нордгейм не считает нужным оповещать о своем визите в вашу фирму, господин?..

— Корнев.

— ...господин Корнев. Разговор сугубо доверительный.

— Ну что ж, проходите, садитесь. Правда, тесновато у нас. Чем обязаны?

Охранник предупредительно отодвинул стул для иностранца и вежливо кивнул ему, как бы приглашая к разговору.

— Господин Микс? — Он широко, по-американски, улыбнулся, но взгляд серых глаз оставался строгим и сухим. — Если я верно думаю, то мы пришли по адресу. Точно. Так?

Семен быстро взглянул в свою очередь на Игоря и после паузы кивнул.

— Да. Но как вам удалось?..

— Не будем отвлекаться на мелочные... детали. Так?

— И все-таки?

Иностранец кивнул охраннику, и тот вежливо объяснил:

— Господин Нордгейм хотел бы заметить, что фирма, с которой он имеет честь сотрудничать, очень внимательно следит за информацией в Интернете, касающейся новейших медицинских исследований в России, где, несмотря на некоторый... — охранник посмотрел на иностранца, тот кивнул, и он продолжил: — некоторый бардак в экономике, сохранились большие научные силы...

— Все это, вероятно, интересно, но какое отношение имеет к нашей фирме по ремонту и наладке компьютеров? — не очень вежливо поинтересовался Семен. Игорь внимательно наблюдал за посетителями, и в глазах его плавало откровенное недоверие.

— Позволь! — решительно поднял руку иностранец, охранник почтительно замолчал. — Мы сообщили о своем интересе. Вы, наверно, умные люди и легко поймете. В известном медицинском учреждении, и московская пресса это подтвердила, пропал компьютер с результатами исследований по ВИЧ-инфекции и онкологии. Скоро появляется информация о продаже, возможно, пропавшего компьютера. С некоторыми данными программами. Так?

— Ну, предположим. Я не в курсе, — пожал плечами Семен.

— Предположим, — повторил иностранец. — Но у нас имеются информаторы, которые без особого труда выяснили, что конкретно пропало, где, когда и с чьей помощью. Информация вполне достоверная. И тогда наша фирма, понимая, что результаты российских исследований могут иметь большое международное значение, не хотим... полагать, что они могут... как это? Уйти в песок. Так? Мы хотели предложить честный бизнес. Техника нас не интересует. — Иностранец снова широко осклабился, демонстрируя великолепные зубы. — Нас интересует информация. За нее, если она действительно того стоит, мы готовы хорошо платить. Что скажете?

— Вообще-то мы ни о какой информации в Интернете не указывали, — сказал Семен.

— И очень правильно! Выводы не для случайных пользователей международной сетью.

— А как вы собираетесь определять стоимость информации? — неожиданно вмешался в разговор Игорь.

— Вы невнимательно следите за собственной прессой, молодой человек, — наставительно заметил иностранец. — Газеты сообщали, что по весьма приблизительным подсчетам утерянная информация оценивалась в пределах полумиллиона американских долларов. Примерно столько же — и техника. Это был, если память не врет, «Силикон графикс», так?

Игорь не ответил. У него снова вспыхнуло подозрение, что здесь происходит какой-то странный розыгрыш. Станный — и потому опасный. А Семен, похож, клюнул.

— Да, вы правы, мистер... Нордгейм. В этих пределах. И если мы вас правильно поняли, то ваша фирма готова выложить за диски с программами кругленькую сумму в полмиллиона баксов?

— Да, диски. Компьютер не нужен. Есть более удачные новые модели.

— Понятно. И как же вы собираетесь проверять? Соберете консилиум? Пригласите экспертов? — Семен, конечно, шутил, но сердце у него прыгало как заяц: о подобной удаче он не мог и мечтать. Несмотря на все уверения Игоря о том, что диски из института — поистине бесценны.

— Я уполномочен лично удостовериться. Так? Половина суммы — сразу, как только я увижу, что на дискетах действительно интересующая нас информация. Другая половина — после оценки информации.

Такой вариант не устраивал ни Семена, ни Игоря. Даже если этот американец из Сан-Диего — крутой спец, оценить информацию, хранящуюся в памяти компьютера, за короткое время невозможно. Растягивать же процесс ознакомления с исследованиями института никто из продавцов не собирался, справедливо полагая, что дело это чрезвычайно опасное. Лучше немного снизить сумму гонорара, зато решить вопрос немедленно.

Игорь и постарался максимально вежливо, чтобы не обострять отношений с покупателем, изложить свой взгляд на вещи.

Американец подумал и высказался в том смысле, что он в принципе мог бы и согласиться с мнением молодого человека, но существуют определенные служебные инструкции. Впрочем, можно поступить следующим образом: он сейчас посмотрит выборочно имеющуюся информацию, а затем переговорит со своим руководством. Если его первоначальное мнение перевесит инструкция, тогда он немедленно согласится на условия продавцов. Но этот процесс займет определенное время.

Они еще немного поторговались, уточняя сумму процента. Американец упирал на риск, которому он подвергает себя, вешая на собственную шею роль оценщика, а продавцы — тоже на риск, но совершенно иной: на кой им черт было растягивать операцию по продаже не принадлежащей им информации? Словом, за торгом все они позабыли главный принцип, которому никогда не стоит следовать: жадность фраера погубит.

Когда наконец они сумели договориться, американец, сопровождаемый ни на шаг не отстающим от него охранником с кейсом, проследовал в глубину тесной мастерской, где на столах и стеллажах стояло множество самых разнообразных мониторов, серверов, принтеров и прочей техники, к столу, где громоздился «Силикон графикс» метровой величины. Ему был предупредительно подвинут стул. Игорь принес откуда-то несколько дискет, одну из них передал американцу и сказал:

— Действуйте. Или вам надо помочь?

Через минуту-другую Игорь увидел, что покупатель знает дело, и отошел в сторону, чтобы не мешать и еще раз самому обдумать ситуацию.

Но сделать это толком он не успел. Настойчиво затрезвонил дверной звонок. Семен наблюдал за действиями американца. Обернулся к Игорю и кивком показал на дверь: открой, мол. «Кто там?» — взглядом спросил Игорь, но Семен раздраженно пожал плечами — сам разберись. И Игорь пошел к двери — разбираться. Посторонние посетители сейчас были совершенно ни к чему.

В дверной глазок он увидел прилично одетую даму. На вопрос: что надо? — она в свою очередь спросила, не здесь ли мастерская по ремонту компьютеров? Здесь, ну и что? Она хотела просто оставить монитор посмотреть, что с ним, а зайдет позже, когда скажут.

— Заносите. — Игорь открыл дверь и был тут же отброшен в сторону. А тесная мастерская вмиг заполнилась рослыми людьми в камуфляже и в шапочках-масках.

Он попробовал извернуться и вскочить, но его попросту припечатали к полу, лицом вниз, и хорошо прошлись тяжелыми ботинками по спине и по почкам.

Закричал американец:

— Нельзя! Я есть американский подданный!

Видно, и ему тоже досталось в суматохе вторжения.

— Разберемся! — раздался грубый бас, вероятно, старшего этой группы захвата. — А если штатовец, вам будет предоставлена возможность побеседовать со своим консулом.

Тем временем за стол, небрежно сдвинув в сторону платы и инструменты, сел мужчина средних лет и невыразительной внешности и начал рассматривать документы, которые омо-

новцы, или черт знает, кто они такие были, вытащили из карманов задержанных и горкой сложили перед этим мужиком.

— Так, — сказал он, открывая паспорт, лежащий сверху, — Корнев Семен Григорьевич, год рождения... — Он перелистнул странички. — Прописан... Понятно. Поднимите его!

Семена посадили на стул. Руки его были скованы за спиной наручниками.

— Следующий... Махов Игорь Михайлович... Прописан... Студент, что ли? — не спросил, а скорее констатировал. — Посадите и его рядом.

Игоря грубо кинули на соседний стул, после чего тоже защелкнули на кистях наручники.

— А это? Американец, говоришь?.. Да, действительно. С тобой, значит, позже. И в другом месте. А четвертый кто? — Невзрачный мужик как-то неразборчиво пробурчал фамилию охранника, кивнул, задумчиво вытянув губы трубочкой. — Ладно, этих давайте сразу в машину. Потом разберемся отдельно. Ну-с! Приглашайте понятых! Вот постановление на обыск вашего заведения, господа хорошие, — тоном, не сулящим ничего приятного, сообщил невзрачный и достал из кармана лист бумаги. Развернул его, поднял над головой. — Можете убедиться.

Понятыми оказались та женщина, что звонила в дверь, и какой-то пожилой мужчина — наверняка их пригласили прямо с улицы.

— Сообщаю для сведения понятых и работников данной мастерской, по какой причине мы проводим обыск. По нашим сведениям, здесь находится похищенный летом этого года во Всероссийском научно-исследовательском институте биомедицинской химии Российской академии медицинских наук компьютер вместе со всей заложенной в него информацией. Марка компьютера — «Силикон графикс». Приступайте!

И трое оперативников, которые были в камуфляже, но без масок, сразу направились в угол, к тому компьютеру, за которым только что работал американец. Он даже выключить машину не успел.

— Здесь! — сказал один из оперов. — И марка, и информация.

— Ну и славно, можно заносить в протокол, — скучно отозвался невзрачный мужик, который, вероятно, являлся следователем. — Понятые, попрошу ваши документы... — Он взял паспорта женщины и пожилого, раскрыл на столе перед собой и стал списывать в лист протокола данные, бормоча при этом себе под нос. Вернул им документы. — Итак, господа понятые, только что в вашем присутствии были обнаружены искомый компьютер фирмы «Силикон графикс», а также дискеты к нему со специальной информацией, имеющей важное государственное значение. О степени важности я информировать не уполномочен...

Все дальнейшее Игорь воспринял как страшный сон. Даже и не сон, а как жуткую неправдоподобную мистерию, происходящую на грани сна, в которой он вынужден участвовать, уже заранее предчувствуя трагический финал.

Но животный страх, парализовавший все тело, длился относительно недолго. Когда техника была вынесена наружу и погружена в «рафик» защитного цвета, следователь поглядел на впавших в полную прострацию Корнева и Махова, уже подробно рассказавших о том, как было совершено преступление, и расписавшихся на каждой из пяти страниц протокола, и заявил, что арестовывать их нет острой нужды. Ну куда они теперь денутся? И он решил отобрать у них подписку о невыезде. Словом, работайте, больше не воруйте, а как понадобится следствию, вас вызовут.

И когда омовцы ушли, сняв с их рук браслеты наручников, оба «предпринимателя» долго еще не могли прийти в себя. Слишком все как-то произошло стремительно и непонятно. Этот американец... ОМОН или СОБР — хрен их разберет... Налет, арест, обыск! Словно в дурном кино... Баснословные суммы, только что мелькавшие перед воспаленным взором, и полное фиаско!

— Ты не думаешь, что нас просто нагрели, как последних фраеров? — осторожно спросил Семен, потирая запястья рук.

— Я только об этом и думаю, — мрачно ответил Игорь. — Но откуда они могли узнать? И кто они?

— Действовали, как ФСБ, а кто на самом деле?... Больше не придут?

— Они забрали только то, что им было нужно.

— Непонятно, — подвел итог Семен.

Глава пятая

Беспредел на Новой Басманной

Обычно сдержанный Плешаков хохотал, слушая рассказ Глеба, демонстрировавшего в лицах торг американца с нерадивыми «предпринимателями».

Получилось так, что предложение Глеба, грамотно оформленное стараниями генерала Матюшкина, немедленно принесло ожидаемые плоды. Специалисты, хорошо разбирающиеся в медицинской проблематике, сели изучать добытые материалы. И уже их предварительные отзывы поставили перед Анатолием Ивановичем вопрос первостепенной важности: кто способен по достоинству оценить результаты данных исследований и, соответственно, готов будет выложить за них круглую сумму? О том, чтобы вернуть материалы обратно в институт, даже и мысли не возникало: растяпы просто обязаны понести наказание — и моральное, и, естественно, материальное.

Одновременно возникала и другая проблема: продажа должна быть совершена в максимально короткий срок. Ведь со времени ограбления института прошло больше трех месяцев, и рассчитывать на то, что там не пытались восстановить утраченное, было бы попросту недальновидно. Это значит, что, продавая результаты исследований какому-нибудь богатому американскому медицинскому концерну, можно рассчитывать лишь на опережение, не более. Тайное все равно станет явным, но выиграет тот, кто первым придет к финишу.

Мировая история подтверждает это со всей очевидностью. Ни для кого уже не секрет, что разработки по атомной бомбе, по так называемому проекту «Энормоз», выкраденные, по сути, из американского атомного центра в Лос-Аламосе, невероятно ускорили осуществление подобного же проекта в Советском Союзе. И речь тогда шла о спасении человечества от последней безумной войны. Так не повторяется ли история сегодня, только в несколько ином контексте? Мировая гонка за панацеей от чумы XX века — СПИДа и рака — напрямую ведет все к тому же спасению. Просто опередивший сорвет приличный куш, однако в конце концов выиграет все человечество...

И Плешаков — не поручил, нет, — попросил генерала Матюшкина как можно быстрее очертить круг тех «зарубежных лиц», которых можно было бы всерьез заинтересовать российскими разработками в области лекарственного дизайна.

Ведь в свое время российские исследования уже заслужили у прагматичных американцев достойную оценку, когда те выделили институту специальный грант. Факт, между прочим, неординарный и достойный самого пристального внимания. Матюшкин пообещал решить этот вопрос в темпе.

Итак, одно дело можно было считать в общих чертах решенным. Витальке Западинскому и его команде лихо натянули нос. Они еще будут искать и выяснять, а материалы — тютю! Их уже и след простынет! Мораль: не зевай. Впрочем, какая тут, к черту, мораль! Бизнес и целесообразность — вот что главное. Да, лучше, конечно, если они будут в какой-то степени моральны, но в наш век, точнее, в наше время об этом можно только рассуждать, не более.

Плешаков слушал веселый рассказ Глеба о новобасманских дурачках, но почему-то никак не мог избавиться от ощущения где-то совершенной ошибки. Она была — это точно. Ведь любой мало-мальски грамотный в юридическом отношении человек знает, что подписка о невыезде — мера пресечения только для обвиняемых. И зачем же ее отбирать у тех, кому, по сути, не выдвинуто никакого обвинения? Отмудохали, забрали технику и увезли — но ведь так поступают не силовики, а бандиты!.. Вот она — элементарная ошибка: не надо было оставлять свидетелей. А Западинский — не из тех, кто прощает свои проигрыши. Все бы можно еще исправить, но Глеб с Матюшкиным против крови... И Анатолий Иванович постарался переключиться на другую тему.

Прослушивая полную запись застолья в «Русском доме», он неожиданно для себя обнаружил еще кое-что очень интересное, что вчера ускользнуло от его внимания. Упомянутый в начале разговора, один факт всплыл еще раз уже в самом, вероятно, конце вечера. Когда снова зашла речь о таинственном мальчике, по словам Западинского — гении компьютерной мысли, этаким новым Билле Гейтсе.

Ну, то, что он, этот гений, взламывает банковские коды и попросту ворует деньги, то есть переводит их с одних счетов на другие, это понятно. Не впервые, не раз описано в прессе, и речь может идти разве что о величине сумм. Но дело в том, что Западинский в каком-то приступе хвастовства, что ли, дал некоторые наводящие сведения по операции «Обмен». И Плешаков понял наконец, откуда взялись такие цифры, как тридцать два и сорок миллионов долларов. Проккололся тут Виталик! Его юный хакер, так надо понимать, подобрал коды к компьютерным сетям одного из крупнейших мировых агентств — вполне возможно, что это мог быть Рейтер — и получил доступ к еще никому не известной информации о торгах на мировых биржах. Ну а дальше — дело техники: можно скупить доллары за несколько часов до скачка курса, а затем незамедлительно продать валюту. А если, к примеру, выяснится, что операции были проведены где-то в середине прошлого августа, не вызывает сомнения, что Западинский и компания сумели хорошо нагреть руки на российском дефолте. Вот откуда такие миллионы!..

Мальчик, мальчик этот нужен! Кто он? Где его прячет Западинский?..

Там, в разговоре, упоминалась семья: папаша, дочка, мальчик. Скорее всего, надо танцевать от дочки, по поводу которой партнеры выдвигают обвинения Виталию. Вероятно, это одна из его сотрудниц. Так что там говорил герой «Бриллиантовой руки»? Будем искать...

В стане Западинского царил некоторая растерянность. Генерал Игнатов, вернувшийся с утреннего оперативного совещания у директора агентства, сообщил, что вынужден в срочном порядке вылететь на Сахалин, возглавляя комиссию в связи... ну, в общем, небольшие служебные неприятности. Хуже другое: директор не учел его просьбы назначить председателем комиссии другого начальника управления, более соответствующего профилю вопроса. И это означало, что все вчерашние наметки, касавшиеся розыска похитителей и похищенного материала, отправлялись, что называется, коту под хвост.

Абушахмин тут же выложил Виталию собственный вариант поиска: пусть бесхитростный, зато решительный и, по его мнению, максимально действенный. Он предложил, в сущности, тот же вариант, тот путь, которым накануне прошли люди Плешакова. Плясать от факта: кто тогда был в институте, где сейчас находится, ну и все остальное. Взять же за кадычок или надеть на голову целлофановый пакет — братве Формозы не проблема. Абушахмин почему-то был уверен, что кража дорогой техники — дело рук самих сотрудников. Западинский, отлично понимающий, что любая затяжка с решением этой проблемы чревата крупными потерями, был вынужден принять предложение Абу.

Представляться работниками правоохранительных органов или, еще хуже, корреспондентами телевидения братве Абушахмина никак не личило. Был избран самый простой и самый скорый способ получения информации — криминальный. За хорошие «бабки» и помощь в решении некоторых неафишируемых проблем Борису Михайловичу прямо домой были доставлены копии некоторых материалов следственного дела о краже в НИИ, из которых стало ясно, кому задавать вопросы.

Римма Шатковская, которую сам Абу в сопровождении парочки «быков» посетил на ее же квартире, увидев лица, не предвещавшие ничего хорошего, немедленно выложила всю правду. Не забыв при этом упомянуть, что ее уже допрашивали на этот счет сотрудники госбезопасности. Это неожиданное известие придало Абу еще больше решительности. И, посетив Химки, он к концу дня владел той же информацией, что и сыщики Плешакова.

В мастерской на Новой Басманной братва появилась в середине ночи. Вскрыв дверь офиса, бандиты обнаружили спящего на диванчике Корнева — была его очередь дежурить в мастерской.

Не потребовалось и пяти минут мягкой «беседы» Абушахмина с владельцем мастерской, чтобы тот полностью раскололся.

Доставленный сюда же час спустя Махов поначалу вообще ничего не мог говорить, а только мычал: немного перестарались «быки», объясняя вору свою нужду.

Не верящий никому в обыденной жизни, Абушахмин и тут не хотел верить ни единому слову привязанных к стульям и жестоко избитых поделщиков. Сомнительным казались ему их уверения, что в мастерской уже побывали следователь с целой бригадой омовцев и забрали искомую технику, а у них самих отобрали подписки о невыезде.

Ну кто ж в такое поверит! Чтобы ментовка, а тем более госбезопасность, как утверждают эти засранцы, размотав дело о крупной краже, оставила бы жуликов на свободе? Да их бы сразу уpekли!

И Абу, с настырностью упертого «быка», продолжал допрашивать свои жертвы, требуя сознаться: кому продали технику? Где деньги? Если обнаружится приличная сумма — а техника, по уверениям Виталия, стоила не менее пол-лимона баксов, — значит, эти врут и никакой ментовки тут не было.

А потом они «вспомнили» еще и американца, который приезжал, чтобы посмотреть на тот компьютер. Новая деталь! Она придала мыслям Абу иной ход. Он заставил Махова с Корневым подробно описать внешность этого иностранца, причем несколько раз уточняя при этом, какой был на нем костюм, да какой кейс у охранника, да какие очки... В общем, к утру у него имелся довольно подробный словесный портрет американца. Которого, кстати, вместе с охранником увезли с собой омовцы. А вот Махова с Корневым почему-то отпустили. Подписка — это так, для дураков. Знающий человек ее в голову не берет.

Порядком уставший за прошедшие сутки, Абушахмин вышел в соседнюю комнату и телефонным звонком поднял из кровати Западинского.

— Ты вот чего, — сказал хрипло и без всяких предисловий, — я тут зачту, а ты подумай, никого этот тип тебе не напоминает?..

И он стал читать написанный на листе бумаги, выданном из какой-то приходной книги, валяющейся на столе, словесный портрет странного американца, советника непонятной медицинской фирмы. Абу не прочитал и половины написанного, как Западинский, сон с которого слетел мигом, перебил его:

— Абу, давай поподробней об американце. Чего он там хотел? Сколько хотел заплатить? И чего с ним случилось дальше?

Абушахмин рассказал все, что сумел выбить из своих жертв. Западинский его внимательно выслушал, больше не перебивая, и, когда тот замолчал, подвел итог:

— Знаю я этого американца! Обскакали, блин! Ну су-уки!..

— Кто?! — вызверился Абушахмин.

— Глеб Бирюк, падла! — Западинский от души, вразнос, выматерился. — Это он! Но откуда узнали?! Ну, Плешка, это тебе даром не пройдет... Ладно, Абу, с теми кончайте, они нам больше не нужны. Но сильно не шумите. Народ уже, поди, на улицах, скоро светать начнет. Кончайте и отваливайте. Последи, чтоб от вас ничего не осталось: пусть думают, что с «крышей» не договорились...

Анатолий Иванович Плешаков с джипом охраны ехал в «Русский дом».

Глеб получил весьма ответственное задание: одного из самых надежных своих людей отправить в «ТВ-Русь», чтобы тот там поболтался с деловым видом, попил чайку-кофейку в многочисленных буфетах, потолкался в курилках и в бесконечных коридорах среди теле-

визионщиков и постарался выяснить, кто нынче обретается в фаворитках у Западинского. И вообще побольше узнал об увлечениях шефа канала в последнее время. Задача, рассчитанная на максимум обаяния и общительности, а также неутолимую страсть служащих ко всякого рода сплетням, особенно касающимся интимной жизни высшего эшелона телевизионного начальства.

И еще один шаг решился-таки предпринять Плешаков. Не давали ему покоя те двое, которых гуманисты дерьмовые — Глеб с Матюшкиным — пожалели. Кто скажет с уверенностью, о чем рассуждают эти мальчишки, когда их допросили, а затем оставили в покое? Ставя себя на их место, Плешаков больше не хотел смеяться. Он позвонил директору своего агентства Лаврухину и велел срочно подослать парочку грамотных людей, которые могли бы тихо и быстро выполнить его конфиденциальное задание. Лаврухин понял, сказал, что подъедут без промедления и что им можно называть вещи своими именами.

Анатолий Иванович положил перед каждым по пачке долларов и, чтобы несколько разрядить тягостную атмосферу, а иной и не бывает, когда ты берешь на себя роль Господа Бога, рассказал мужикам старый анекдот о канторе, который всякий раз, перед тем как петь в синагоге, требовал гонорар вперед. Его спрашивали: «Зачем вы торопитесь? Кончится служба, и мы вам торжественно вручим ваши десять тысяч». На что кантор всегда отвечал: «Знаете, когда десять тысяч уже тут, — и он хлопал себя по карману возле сердца, — ка-ак поется!»

Мужики, давно уже не новички в своем деле, хмыкнули и взяли деньги...

Машины свернули с шоссе на дорогу, ведущую к «Русскому дому».

Часы показывали полдень. Посетителей в ресторане — приехавших на собственных машинах — не наблюдалось. Еще самый-самый рабочий день, все крутые делают деньги, «быки» их охраняют. Откуда ж взяться посетителям, хотя для простого люда время, может быть, и обеденное? Правильнее сказать, обеденное, но не здесь...

Машины развернулись на площадке и остановились рядом, перед входом.

Швейцар с пышными традиционными усами и золотыми галунами услужливо распахнул перед гостями двери. Первыми вошли двое охранников, за ними — Плешаков, следом — еще пара мордатых крепышей.

Прошли в пустой зал, разместились за двумя столами возле окон. Официант в белом атласном жилете, надетом поверх русской рубахи навыпуск, и в черных брюках, заправленных в сапоги гармошкой, тут же положил несколько кожаных переплетов с меню, отошел в сторону, остановился в ожидании.

Плешаков до меню не дотронулся. Он поманил официанта и, когда тот почтительно склонил к посетителю голову с четким набриолиненным пробором, негромко сказал:

— А что, Артурчик с Гегамом уже на месте? Пригласи сюда.

Официант еще короткое время находился в этом положении полупоклона, а затем, сообщив, что продолжения не будет, выпрямился и, кивнув, сообщил:

— Сей минут! Как прикажете! — Они тут, видать, хорошо копировали всю холуйскую сущность трактирных половых.

Он появился минут пять спустя и с почтительным поклоном сообщил, что Гегам Гургенович приглашает посетителя пройти в его кабинет.

— Мы потом решим, где продолжить разговор. — Плешаков был неумолим.

— Как прикажете, — снова согнулся официант и быстрым, скользящим шагом исчез в глубине зала.

Наконец появился хозяин заведения: был он толстым и рыхлым, с абсолютно лысой головой, крупным носом и острыми, торчащими кончиками ушей. За Гегамом следовал рослый телохранитель. При виде последнего охранники Плешакова немедленно повернулись к нему и руки их нырнули под пиджаки. Но явной агрессивности никто не проявил — просто осторожность.

Шаркая, Гегам подошел к столу Плешакова, коротко кивнул и уставился в ожидании. Плешаков поднялся, отодвинул соседний стул и жестом пригласил хозяина присесть. Стул жалобно скрипнул под Гегамом.

— Вас я знаю, — сказал Плешаков, — а меня зовут Анатолий Иванович. У нас тут, — он хлопнул себя по карману, — имеется любопытная магнитофонная запись, и я хотел бы, чтобы мы с вами, Гегам Гургенович, послушали ее наедине, а после побеседовали. Тоже в приватном порядке. Если у вас нет серьезных возражений.

— Пойдемте, — после паузы предложил хозяин и тяжело поднялся.

Кабинет у Гегамы был небольшим и уютным, отделанным в восточном стиле — низкая мебель, ковры по стенам и на полу, приятный полумрак. В дверях кабинета Плешакова встретила «копия» Гегамы — Артур, догадался Анатолий Иванович. Был директор ресторана моложе — лысина только намечалась, а нос, и уши, и все остальное — один к одному. Прямо близнецы!

Поздоровались без рукопожатий, сели в низкие кресла. Артур, которому Гегам что-то сказал по-армянски, принес небольшой магнитофон и поставил на столик, посреди комнаты. Плешаков вставил в гнездо кассету, включил воспроизведение и вольготно откинулся в кресле.

Пошел звук. Братья Айвазовы какое-то время ничего не могли понять, потом насторожились, волчьими ушами так и напряглись. Плешаков, чуть прикрыв глаза, наблюдал за ними. Братья переглядывались, и наконец до них, кажется, дошла суть дела. А запись была просто поразительно чистой и словно стереофонической — будто работали сразу несколько микрофонов.

Первая мысль: ну и что? Но следом возникла вторая: да ведь за такое Виталий Борисович немедленно отдаст их в буквальном смысле на съедение своему бандиту Формозе! Но как?! Откуда появилась запись?! Ведь все в ресторане тысячу раз проверяли! Однако запись есть, вот он, Виталий Борисович, обсуждает с партнерами свои финансовые дела, и ему будет чрезвычайно интересно узнать, каким образом производили эту запись... И он не примет никаких уверений в преданности, никаких «не знаю»...

Демонстрацию качественной записи можно было больше не продолжать, и братья устали на непонятного гостя.

— Если неинтересно, — спокойно заметил Плешаков, — можете выключить.

Что и было сделано. Братья видели, что карты уже сданы и наступил момент торговли. Это — процесс длительный, и лучше, когда он обставлен соответствующим образом. Кивок Гегамы, и Артур идет к застекленному шкафу в полстены, ставит на столик хрустальные рюмки, бутылку коньяка, что-то говорит по внутреннему телефону, и вскоре появляется блюдо, на котором горой уложены яблоки, персики, виноград. Артур разливает коньяк, и тонкий аромат розовых лепестков наполняет комнату. Настоящий Шустов!..

— Вас «кроет», извините за стиль, Абушахмин? — пока без всякого интереса спросил Плешаков, беря рюмку.

— Он, — кивнул Гегам.

— Менять вам «крышу» или добавлять дополнительные заботы у меня нет желания. И нужды. Напротив, я мог бы вам даже несколько облегчить это бремя.

— Каким образом, уважаемый? — спросил Гегам: он старший, он хозяин, ему и переговоры вести. Он уже сообразил, что начинается очередной наезд, а в таких случаях нельзя обострять. Пусть эти бандиты сами между собой свои дела решают.

— Сколько отстегивать приходится? Так, грубо.

Гегам поиграл густыми черными бровями, поморщил лоб:

— По-божески... тридцать процентов.

— То есть?

— Ну где-то в пределах тех же тридцати кусков, уважаемый.

— В месяц?

Гегам лишь развел руками: мол, что поделаешь!

Врет, подумал Плешаков. Не может этот кабак приносить в месяц сто тысяч долларов. Если, конечно, сюда не входит доход и от наркотиков. Но все равно на какое-то время игра стоила свеч.

— Ну что ж, я, пожалуй, готов взять этот груз на свои плечи, — с легким вздохом сказал Плешаков.

— А что гость потребует взамен? — осведомился Гегам.

— Только полной откровенности. И сегодня, и в ближайшем будущем.

— Надо думать, — осторожно заметил Артур.

— Не надо, — обернулся к нему Плешаков. — Иначе придется объяснять и Витальке, и генералу, и, что хуже всего, Абу, откуда взялась эта кассета.

— Уважаемый гость знаком с ними? — спросил Гегам.

— Конкуренты, — коротко ответил Плешаков. Он решил, что этого пока будет вполне достаточно и не надо объяснять — кто ты и чем занимаешься. Захотят — сами без труда выяснят. По номерам машин. Да и сам он, Анатолий Иванович, не такой уж закрытый для публики, не раз появлялся на экране телевизора.

— Может быть, теперь уважаемый гость Анатолий Иванович посвятит нас в свои неотложные заботы, которые привели его в «Русский дом»?

Ну вот, это уже конкретный шаг... Очень хорошо, что они оказались понятливыми, эти армяне, и что не произошло никаких эксцессов.

Плешаков потянулся за рюмкой, понюхал, отпил небольшой глоток, мимикой выразил свой восторг и отщипнул виноградинку.

— Я думаю, — сказал он, — что известие о нашем посещении наверняка дойдет и до Виталия, и до остальных. У вас есть все основания ответить, что наезжала очередная «крыша», что вопрос удалось уладить миром лишь после упоминания имени Формозы. С этим покончено. А теперь о главном. Сейчас мы снова послушаем запись, я буду вам задавать вопросы, а вы мне, по-возможности, комментировать...

Уехал в Москву Анатолий Иванович, облегченный на тридцать тысяч долларов — взнос за будущий месяц, однако довольный состоявшейся беседой. За простыми и, даже могло показаться, бытовыми вопросами Плешакова братья-армяне не увидели, или не пожелали увидеть, ничего опасного для себя лично. Часть вопросов касалась интимной жизни Виталия Борисовича: с кем здесь бывал, как зовут даму, как выглядит? Другие вопросы касались того, как часто здесь, в «Русском доме», бывают он и его партнеры, как оповещают о себе, когда и как происходят проверки и так далее. Он пока ничего не требовал от Айвазовых: все необходимое будет им высказано после обстоятельного разговора с Сергеем Сергеевичем Матюшкиным, а уж затем и установлена соответствующая аппаратура. Пусть директор посоревнуется со своим начальником управления — чья возьмет? Это даже любопытно! Но — потом. А в настоящий момент самой важной была информация о девочке по имени Елена, с которой Виталий, будучи не раз в «Русском доме», с удовольствием уединялся в «ковровом» кабинете Айвазова-старшего. Симпатичная девочка, часто ее можно увидеть по телевизору. Она погоду на завтра предсказывает — и ни разу не ошиблась.

Надо так понимать, что именно из-за нее едва не вспыхнула ссора между Западинским и его партнерами. Кто она и где живет, нетрудно уточнить, а там и вопрос задать, что это за гениальный мальчик взламывает секретнейшие коды различных финансовых структур и какую новую операцию он готовит по заданию Виталия Борисовича?

В свою очередь и братья Айвазовы, понимая, что никакими оправданиями свирепый Формоза не удовлетворится, решили подчиниться обстоятельствам. Тем более что Анатолий Иванович довольно прозрачно намекнул про наркотики, добавив, что лично его эта сторона

их бизнеса абсолютно не волнует — каждый выбирает себе свою дурь. Но им все-таки следует быть более осторожными. И это было ими принято к сведению.

Словом, худо-бедно, а общий язык с Плешаковым они нашли, точнее, он — с ними. А еще пообещал им Плешаков не употреблять свои знания им во вред. Они поняли, что имеют дело не с бандитом, от которого можно откупиться, и согласились на сотрудничество — в пределах разумного, естественно...

В офисе Анатолия уже ждали две новости, как в известном анекдоте — плохая и хорошая. С чего начинать? Конечно, с плохой!

Первыми вошли двое мужиков, отправленные на Новую Басманную. Там полный амбец! Все окружено, оцеплено милицией, работает какой-то известный «важняк» аж из самой Генеральной прокуратуры — с иностранной фамилией. Любопытные — из публики, — которым до всего дело и которые всегда все знают, говорили, что тут, в «ремонте», замочили двоих парней-техников, что почерк явно бандитский, с контрольными выстрелами и остальным. Все внутри разгромили, будто чего искали, а этих — замучили до неузнаваемости. Наверняка те на больших деньгах сидели, иначе какой смысл!

Это было как раз то, что предчувствовал Плешаков. Западинский, конечно, опоздал, но вместе со своим Абу совсем не зря устроил показательное «мочилово». Это очень опасное предупреждение. И с этой минуты необходимо проявлять максимальную осторожность и осмотрительность.

Кого видели и могли более или менее достоверно описать те мальчишки? Да в первую очередь «американца». То есть Глеба. Значит, ему придется какое-то время походить с усиленной охраной. Либо вообще отбыть в командировку — в Штаты, к примеру. А заодно, кстати, и прощупать там насчет возможных покупателей. Это будет правильное решение.

Анатолий Иванович тут же и высказал свои соображения Глебу, который сидел рядом с виноватым видом. Теперь-то он понимал, какую совершил оплошность. Ну не хотел мочить, черт с ними! Можно же было вывезти куда-нибудь подальше от Москвы, набить морды и вышвырнуть в стороне от населенных пунктов. Пока то да се, время бы и прошло... Но если за них взяли матвеевские, известные своей отморозенностью, дело швах, определенно выбили из ребят всю необходимую им информацию.

— До отъезда, — сказал Плешаков, отпустив своих агентов, — ты бы не светился, Глеб. В Кокушкино я прикажу отрядить пяток хороших парней, для охраны. А вот ты...

— Так я же могу перекантоваться пока на квартире, на Фрунзенской набережной. Там меня никто не знает.

— Ну уж — не знают!

— Я в том смысле, что квартира нигде не засвечена.

— Ах, Глеб, — вздохнул Анатолий Иванович, — кому надо, тот узнает... Но будем надеяться. Денек-другой, а там и улетишь. Сам же американца придумал... Ну и чего хорошего?

— Мои шпионы, — улыбнулся Глеб, — нашли фемину, к которой неровно дышит господин Западинский. Зовут ее...

— Елена, — спокойно перебил Плешаков. — В информационном блоке ведет метеоизвестия.

— С тобой неинтересно. Ты и сам все, оказывается, знаешь.

— Не знал, Глеб, не знал, — улыбнулся Плешаков. — Пока с народом не побеседовал. Ну давай подробности.

— Зовут Елена Олеговна Скляр. Двадцать шесть лет, незамужняя и в удовольствиях себе не отказывает. Бой-френду Артему Никулину, оператору с хорошими перспективами, тридцать лет. Дело было уже на мази, когда на нее положил глаз сам и вывел ее из редакторского кабинета в прямой эфир. Трехминутную метеосводку, включая рекламу, с подачи Виталия Борисовича — лично! — она превратила в миниспектакль с демонстрацией шмоток от веду-

щих кутюрье. Каждый выход в эфир оплачивается гонораром с тремя нулями — в баксах. Характер нордический. В том смысле, что наезжали многие, но оставались с носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.